

Виктор Иннокентьевич Дятлов¹

vikdyatlov@yandex.ru

Елена Викторовна Дятлова²

dyatlovae@mail.ru

КИТАЙСКИЕ МИГРАНТЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ И РОССИЙСКИЙ ВАРИАНТ СИНДРОМА «ЖЁЛТОЙ ОПАСНОСТИ» (РУБЕЖ XIX—XX ВВ.)

Порождённый эпохой модерна общемировой комплекс представлений об устройстве общества, стереотипов, страхов и предрассудков, известный как «жёлтая опасность» (yellow peril), был реакцией динамично и кризисно модернизирующегося общества Запада на тесный контакт с народами Азии. В его основе лежит представление о существовании не просто «ино-го» или даже «чужого», но смертельно опасного «чужого». «Принципиальная несовместимость рас» конструировала заведомо непреодолимую границу между народами и невозможность предотвращения «войны миров» путём компромисса, договорённости, торга. Комплекс «жёлтой опасности» легко прижился на почве быстро и болезненно модернизирующегося российского общества. Его синтез с отечественным («монгольское иго») и общемировым («еврейский заговор») ксенофобскими комплексами, а также опыт тесного взаимодействия с Китаем и китайцами на Дальнем Востоке породили вполне оригинальный российский вариант. Учитывая огромную роль Дальнего Востока в общеимперской внутренней и внешней политике, важно выяснить, насколько население региона испытывало влияние комплекса «жёлтой опасности». И если испытывало, то отличалось ли его восприятие неким своеобразием. Анализ частных мнений и официальных позиций позволяет сделать вывод, что на уровне идеологии, политики, административных стратегий и практик принципиальных отличий здесь от метрополии не было. Возможно, по причине почти полной концентрации населения региона вокруг властных структур, державное понимание и державная оценка проблемы были почти монопольными. Бюрократический плюрализм имел место, но границы оттенков во мнениях проходили по ведомственной линии, а не по линии «центр — окраина». Формирующееся общественное мнение при всех местных особенностях в целом воспроизводило общеимперский дискурс. Ничего сопоставимого с проектом «сибирского областничества» здесь не возникло. Синдром «жёлтой опасности» в России не пережил имперской эпохи. Китайцы как объект

¹ Иркутский государственный университет, кафедра мировой истории и международных отношений, Иркутск, Россия.

² Иркутский государственный университет, кафедра социально-экономических и математических дисциплин, Иркутск, Россия.

взаимоотношения и повод к формированию стереотипов исчезли из жизни советского общества и из его исторической памяти.

Ключевые слова: «жёлтая опасность», «yellow peril», ксенофобия, Дальний Восток Российской империи, китайские мигранты, расовый дискурс.

Viktor I. Dyatlov³

vikdyatlov@yandex.ru

Elena V. Dyatlova⁴

dyatlovae@mail.ru

CHINESE MIGRANTS IN THE FAR EAST AND THE RUSSIAN VERSION OF THE “YELLOW PERIL” SYNDROME (THE TURN OF THE 19th – 20th CENTURIES)

The era of Modern had created a worldwide complex of ideas about the structure of society, stereotypes, fears and prejudices, which is known as “yellow peril”. It was a reaction of dynamic and crisis-modernizing society of the West to close contact with the people of Asia. It is based on the idea of existence of not just a “different” one or even a “stranger” but a deadly “stranger”. “The fundamental incompatibility of races” designed insurmountable border and impossibility of preventing the “war of the worlds” by compromise, agreement, bargaining. “Yellow peril” complex easily took root on the basis of rapidly and painfully modernizing Russian society. Both its synthesis is with domestic (“Mongolian yoke”) and worldwide (“Jewish conspiracy”) xenophobic complexes and experience of close interaction with China and Chinese in the Far East created an original Russian version. Taking into consideration the role of the Far East as an all-imperial problem, it is important to find out to what extent the population of the region was influenced by the “yellow peril” complex. If the society had experienced this complex, did it bring in its peculiarity? Analysis of the private opinions and declaratory stance suggests that it did not have fundamental difference from the metropolis at the level of ideology, politics, administrative strategies and practices. Perhaps, due to almost complete concentration of the region population around power authorities, the power understanding and power assessment of the problem was almost monopolistic. Bureaucratic pluralism took place but the shades of opinions were within the department line and not along the line “center – outskirts”. The emerging public opinion with all the local features, generally reproduced the whole empire discourse. Nothing comparable to the project of “siberian oblastnichestvo” arose here. The syndrome of “yellow peril” did not survive the imperial era. Chinese as the object of relations and reason of the formation of the stereotypes, disappeared from the life of the Soviet society and from its historical memory.

Keywords: “yellow peril”, xenophobia, the Far East of the Russian Empire, Chinese migrants, racial discourse.

³ Irkutsk State University, Department of World History and International Relations, Irkutsk, Russia.

⁴ Irkutsk State University, Department of Socio-Economic and Mathematical Disciplines, Irkutsk, Russia.

Присоединив во второй половине XIX в. Дальний Восток, Россия обрела вместе с ним огромный комплекс сложнейших геополитических, экономических, политических проблем. Внезапно возникло теснейшее соседство с Китаем, «четыре тысячи километров проблем» границы, по замечательному выражению Акихиро Ивасита [12]. Даже находясь в упадке в XIX в., Цинская империя была великим государством — благодаря своей культуре, населению, территории, тысячелетнему опыту имперского управления. На Дальнем Востоке образовалась гремучая смесь из стремления к экспансии в Китай и страха перед тем, что этот «спящий проснётся». Это усиливалось неожиданным — и потому ещё более тревожным — процессом модернизации и державного усиления соседней теперь Японии. На этом фоне — полная неосвоенность Дальнего Востока в политическом, военном, демографическом, экономическом отношениях. Оторванность его от метрополии, почти полная до строительства Транссиба. Гигантская зависимость от ресурсов Китая.

Взаимоотношения с восточными соседями стали важной проблемой для Империи в целом и ключевой для её восточных регионов. Там это было основополагающей частью не только внешней политики и государственного управления, но всей ткани обыденной жизни, повседневности, экономики.

Для жителей Дальнего Востока Китай был не только «заграницей», с которой связывали самые разнообразные отношения и интересы. Жизненно важным элементом экономики, повседневной жизни стали китайские (и отчасти корейские) трудовые мигранты. Освоение Дальнего Востока, создание там первичной административной, военной, коммуникационной, экономической инфраструктуры, её обслуживание, поддержание элементарной жизнедеятельности формирующегося русского населения — всё это создало огромный спрос на рабочую силу, удовлетворить который за счёт собственных источников в тех условиях было практически невозможно. Платёжеспособный спрос создал мощный и постоянно растущий приток мигрантов из соседних стран.

Это был один из первых в истории России случаев массовых трансграничных трудовых миграций, не организованных властями империи. Точных оценок численности мигрантов нет в силу постоянных изменений, годовых и сезонных колебаний, слабой организации учёта и контроля. Но в некоторые годы численность только китайцев превышала сотню тысяч человек (по оценке А.Г. Ларина, 200—250 тыс. в 1910 г.), т.е. 10—12% населения региона [21, с. 20—21]. По понятным причинам их доля в самодеятельном населении была ещё выше. Китайцы составляли весомую часть обитателей русского региона, что влияло на формирование государственной политики, системы взаимоотношений всех уровней, на характер и интенсивность регулирующего воздействия стереотипов.

Помимо тесных непосредственных контактов с Китаем и китайцами формированию стереотипов способствовал также общемировой контекст эпохи: урбанизация, распространение грамотности, массовое общество и массовая культура, интенсивная экспансия европейцев в странах Востока (особенно в Китае). Всё это создавало конфликты и формировало предчувствия будущих общемировых катаклизмов, становилось почвой для формирования массовых же «великих ксенофобий» — прежде всего той, что стала называться «жёлтая опасность».

Россия не была в стороне от этих глобальных процессов. Поэтому и комплекс «жёлтой опасности» легко прижился на российской почве. Наложившись на другие, отечественные («монгольское иго») и общемировые («еврейский заговор») ксенофобские комплексы, а также на сложный опыт тесного взаимодействия с Китаем и китайцами на Дальнем Востоке, это породило вполне оригинальный российский вариант синдрома «жёлтой опасности».

Это ставит интересную и важную задачу выделения в российском комплексе стереотипов и фобий неких стандартных, общемировых мотивов и собственных представлений, сформированных на основе как уникального опыта освоения дальневосточной «далёкой окраины», так и под воздействием исторически сложившихся мифологем типа «монгольского ига». Были ли региональные особенности, отличия в соответствующих стереотипах у дальневосточников? Как соотносились представления образованных верхов и необразованных низов об этом? Можно ли выделить в этом многослойном и многосложном комплексе элементы простого отчуждения (когда китайцы — «чужие»), неприятия и отталкивания (условно говоря, синофобии) и представления о принципиальной несовместимости, разворачивающейся «войне миров» («жёлтая опасность»)?

«ЖЁЛТАЯ ОПАСНОСТЬ» КАК «ВОЙНА МИРОВ»

Эпоха модерна породила феномен общемировых массовых фобий. Можно говорить даже о «великих ксенофобиях» — великих в смысле их общемирового характера и массовости, глубины воздействия на огромные человеческие массы в качестве регулятора поведения и умонастроений. И это было не обычное и извечное отторжение «чужого», опасливое отстранение от него. В их основе лежит представление о существовании не просто «иного» или даже «чужого», но такого «чужого», которое представляет угрозу, иногда угрозу смертельную, для самого существования носителя такого представления, для его группы, его мира, для всего, что является для него важным и священным.

Мы разделяем мнение Л. Гудкова о том, что возникновение массовых фобий, «появление и выработка символических „врагов“ становятся

формой партикуляристской реакции на процессы массовизации, вызванные модернизационными изменениями в традиционных обществах». Враг становится необходимым инструментом консолидации возникшего в результате разрушения сословного порядка «принципиально нового социального состояния — слабо управляемой плазмы массового рессантимента и возмущения...» [9, с. 17, 19].

При сопоставлении «великих ксенофобий» XX в. бросается в глаза элемент трансцендентности, запредельности угрозы. Она воспринимается не как нечто рациональное или поддающееся рациональному обоснованию и/или объяснению (по крайней мере, описанию), а как нечто таинственно-грозное, глобальное, всеобщее-вездесущее, мало зависящее от действий, воли и решений отдельных людей. Опасный «чужой» предстаёт не в облике конкретного противника, имеющего реальные интересы, несущие в себе угрозу, пусть даже смертельную, а становится персонификацией «абсолютного зла», воплощением тотальной чужеродности, принципиальной несовместимости. С ним невозможно договориться, сторговаться, достичь компромисса, его логику невозможно понять. Конфликт с ним — это тотальное противостояние, смертельная война до полного уничтожения одной из сторон. А неконкретность, невидимость врага делает сомнительной возможность победы.

По словам Л. Гудкова, «речь идёт не о конкретных неприятностях или частных действующих лицах — противнике, оппоненте, социально опасном лице, т.е. предсказуемых и понимаемых по своим мотивам действиях. Для того, чтобы этот актер стал „врагом“, он должен получить ряд генерализированных характеристик: неопределённость и непредсказуемость, асоциальную силу, не знающую каких-либо нормативных или конвенциальных ограничений. При появлении „врага“ не работают или уходят на задний план обычные системы позитивных вознаграждений и стимулов взаимодействия...». От «врага» исходит смертельная опасность самому существованию группы [9, с. 12].

Уникальность ситуации рубежа XIX—XX вв. состояла не в самом существовании ксенофобий, а в общемировом характере и массовости некоторых их версий. Стремительный переход от сословного общества к массовому диктовал необходимость трансформации партикулярных врагов, страхов и фобий к образу консолидированного, коллективного, общезначимого врага.

И если антисемитизм, страх перед «сионскими мудрецами», плетущими «мировой еврейский заговор», при всей своей содержательной и функциональной новизне опирался на многовековую традицию, то синдром «жёлтой опасности» стал явлением совершенно новым. Возникнув в середине XIX в., он стремительно распространился практически по всему европейскому миру. А через контакты с миром неевропейским — распространялся и дальше.

Объектом пристального внимания, вражды и страха народы Восточной Азии стали по ряду обстоятельств. Они довольно поздно вошли в мировую систему международных отношений в качестве важной и неотъемлемой части. Под воздействием модернизационных процессов выросла их геополитическая роль. Следствием этого стало нарастание опасений, а потом и страхов по поводу увеличивающихся мощи и амбиций Японии и перспективы того, что «Китай проснётся». Трудовая миграция китайцев в страны европейского мира вела к массовым и обыденным контактам, которые оказались чрезвычайно конфликтными. Антикитайские настроения становились частью массового сознания, массовой культуры и идеологии.

Эти настроения обрели слова, образы и объяснение в расовой теории, которая считалась тогда последним достижением научной мысли и была вполне респектабельной. В её основе лежит представление о принадлежности к расе как к природному телу, что не является вопросом личного выбора, поскольку нельзя выбрать и изменить цвет кожи или разрез глаз. Расовые биологические константы определяют все ключевые характеристики человека как социального существа: его образ жизни, поведение, систему ценностей и групповую лояльность. По выражению Х. Арендт, при таком понимании «народы как таковые превращаются в виды животных так, что русский выглядит отлично от немца не меньше, чем волк от лисицы» [1, с. 322]. Расовые отличия считались настолько огромными, что ставили под вопрос принадлежность их носителей к единой человеческой общности, следовательно, и их совместимость.

В рамках такого взгляда на мир краеугольным камнем конструкции синдрома «жёлтой опасности» становился тезис о тотальной, природной несовместимости «жёлтой» и «белой» рас [81, р. 93—139]. Эта несовместимость настолько глобальна, что не предполагает возможности даже относительно мирного сосуществования. Расовые отличия ставили под вопрос принадлежность к единой человеческой общности. А коль скоро синдром возник в европейском мире (в широком смысле), среди «белых», то и базируется он на представлении о том, что только «белая раса» является аутентично человеческой. Все остальные находятся за этими рамками. Несовместимость рас — это достаточное основание для их непримиримой борьбы за выживание. «Война миров» — так это было замечательно зафиксировано у чуткого к социальным процессам и переменам беллетриста Герберта Уэллса. Марсиане в его романе являются символом абсолютной чужеродности, предельной нечеловечности разумных существ [72, с. 5—160].

«Жёлтые» в этой системе взглядов выглядели самой опасной расой, реальной угрозой для расы «белой». За нею виделись огромная и мобилизованная численность, мощь древней китайской империи

и цивилизации, растущая сила и амбиции модернизирующейся Японии. Модернизация позволяла «жёлтым» присваивать и использовать научно-технические, экономические и военные достижения европейской цивилизации для непримиримой борьбы с ней же. Неизбежность борьбы на взаимное уничтожение выводилась из принципиальной несовместимости рас, невозможности взаимного понимания и компромисса. «Жёлтые» предстают как враг с нечеловеческой, инопланетянской логикой и мотивацией действий⁵.

Категория «жёлтые» становилась предметом рефлексии и в формирующемся массовом обществе Японии [37]. Наоко Шимацу отмечает феномен соотнесения «расы с цивилизацией», применение «принципа „цвета“ (в западном понимании), чтобы отличить цивилизованных от варваров». Он приводит две крайние позиции в рамках такого мировидения: от отрицания своей «желтизны» до упоения ею. «Японцы — вовсе не „жёлтая угроза“. У японцев белое сердце под жёлтой кожей. „Жёлтая угроза“ — русские: у них жёлтое сердце под белой кожей <...> Вот и наступила эра расовой войны! Война между Россией и Японией — первый шаг в битве между арийской и жёлтой расами» [78, с. 70].

Формировались «великие ксенофобии» в Европе, но быстро принимали общемировой характер. Они охватывали не только собственно европейский мир (США, Австралию, Новую Зеландию, Южную Африку), но и распространялись на модернизирующиеся восточные общества [87]. Формируется всемирный механизм «идеологического заражения», индоктринации. В качестве самых ярких иллюстраций можно сослаться на феномен антисемитизма в Японии [80], на случаи «кровавого навета» и еврейских погромов в Сирии и Египте во второй половине XIX в. [82; 84], на известные слова короля Сиама о том, что «китайцы — это евреи Азии».

В США приток китайских мигрантов и связанные с этим потрясения на рынке труда спровоцировали массовые антимигрантские настроения, волну бытовой расовой вражды и насилия. Это стимулировало формирование мощного течения в массовой культуре — от карикатурного персонажа Жёлтого Малыша (Yellow Kid)⁶ до пережившего весь

⁵ Характерный пример: выдающийся полярный исследователь и общественный деятель Ф. Нансен, человек, чей природный мощный гуманизм реализовался в гигантской по масштабам программе помощи беженцам и перемещённым лицам после Первой мировой войны, в помощи голодающим Поволжья, совершенно органично и естественно рассуждает в категориях расовых различий, противостояния и неизбежной битвы рас на взаимное уничтожение [42].

⁶ «В 1896 году карикатурист Ричард Фелтон Ауткольт нарисовал персонажа по имени Yellow Kid — „Жёлтый Малыш“. Это был герой комиксов-карикатур — маленький хулиганистый грязнуля в длинном жёлтом балахончике. Он был лыс, лопух и беззуб — малолетний ехидный старикашка. Он издевательски щерился. Прадедушка Симпсона и Бивиса с Баттхедом. Наверное, он был одним из первых рисованных героев поп-культуры. Малыш своей желтизной обязан китайско-японской

XX в. образа «зловещего доктора Фу Манчу», героя серии детективных романов (русские переводы: [53]) и нескольких фильмов [88], мистического восточного человека, хитрого, коварного, обладающего невероятным умом и огромной образованностью, получившего европейское образование и знания и потому особенно страшного. Это абсолютный злодей, стремящийся к уничтожению европейского мира. Он даже не человек, а, скорее, существо, но существо индивидуализированное, яркая и уникальная личность.

Массой комментариев сопровождались высказывания Вильгельма II о «жёлтой опасности» (с его лёгкой руки этот термин и вошёл в широкий оборот) и его символический дар Николаю II. По заказу и замыслу кайзера в 1898 г. был создан рисунок, где «группа женщин, изображавших главные европейские нации, с ужасом видят поднимающийся с востока страшный образ Будды, на который указывает им ангел, стоящий на вершине горы с мечом в руке; под рисунком помещены слова: „Народы Европы, защищайте свои самые священные блага“». Рисунок был подарен Николаю II с припиской: «Я прошу тебя благосклонно принять брошенный мной для тебя рисунок, представляющий символические фигуры России и Германии, стоящих на страже на берегу Жёлтого моря для проповеди Евангелия, истины и света на Востоке» [цит. по: 52, с. 56—78]⁷.

В XX в., особенно во второй половине, синдром «жёлтой опасности» меняет свой характер, даже если привычное его название сохраняется. Уходит расовый мотив, представление об основанной на нём «войне миров». В чём-то эту традицию (но без расовых коннотаций) продолжает известная концепция С. Хантингтона о «столкновении цивилизаций». «Жёлтая опасность» трансформируется в «синофобию», страх перед растущей державной мощью современного Китая, перед организованными этой мощью китайцами — но не «жёлтыми» [89].

«ЖЁЛТАЯ ОПАСНОСТЬ» СЛИВАЕТСЯ С «МОНГОЛЬСКИМ ИГОМ» И «ЕВРЕЙСКИМ ЗАГОВОРОМ»: РОССИЙСКАЯ ВЕРСИЯ ОБЩЕМИРОВОЙ КСЕНОФОБИИ

Россия не осталась в стороне от этих представлений. Она уже находилась в общеевропейском информационном пространстве. Синдром «жёлтой опасности», в его европейском и американском вариантах, внимательно изучался и комментировался. Переводились и издавались статьи и брошюры — как научные, так и публицистические [56; 32].

войне 1895 года, впервые озадачившей Запад проблемой японского милитаризма и вызвавшей волну ура-патриотической истерии, которую он и пародировал — жёлтые малыши имели недвусмысленно азиатские черты» [77].

⁷ См. также: [49, с. 8—10, 42—48; 6, с. 38—39].

Популярный очерк А. Столповской содержит большой и информативный раздел о китайской миграции в страны европейского мира, о сопутствующих конфликтах и массовых антикитайских настроениях [59]. Книга В.В. Граве о роли мигрантов из соседних стран в жизни Дальнего Востока начинается с отсылки к международному опыту: «Сравнение истории Приамурского края с историей Америки, колоний Англии, Голландии, Португалии и др. указывает на то, что в настоящее время мы переживаем наблюдавшийся уже в этих странах тот фазис отношения к жёлтому вопросу, когда заботы о выработке законоположений для борьбы с наплывом к нам жёлтой расы заменили безразличное отношение местной администрации» [8, с. 1].

Комплексы настороженности, страхов, опасений, высокомерия и неуверенности, существовавшие в массовых настроениях, нуждались в оформлении, вербализации. Требовались слова, образы, яркие и понятные метафоры. Всё это можно было найти во входящей в моду расовой теории. Из научной гипотезы она превратилась в идеологему — и в таком виде пришла в Россию. Исследователи отмечают меньшую, чем в Европе и США, долю расового компонента в общей структуре ксенофобских комплексов⁸. Но именно расовые представления легли в основу стремительно набиравшего силу комплекса «Враг с Востока».

Профессор-антрополог, видный теоретик русского национализма А.И. Сикорский писал: «В современной русско-японской войне мы имеем дело с событиями и условиями, совершенно отличными от тех, с какими европейские народы привыкли иметь дело. Мы встречаемся здесь с расовой борьбой, но не в обычном вульгарном значении этих слов, а в совершенно ином смысле. Мы стоим в настоящую минуту лицом к лицу с крупным биологическим событием, которое выяснилось и поднялось во всей своей жизненной силе...» [цит. по: 38, с. 215].

Однако российский синдром «жёлтой опасности» вырос на собственной почве национализирующейся империи. В процессе разложения сословных отношений и формирования массового общества уже явно не доставало консолидирующей и мобилизующей роли таких классических инструментов, как антисемитизм и полонофобия. «Враг с Востока» [73, с. 40—101], дополненный отечественными комплексами, заполнял очень важную нишу.

Огромную жизненную энергию синдрому придало подключение ресурса тревоги и фобии, содержавшегося в отечественном концепте «татаро-монгольское иго». К тому времени он настолько глубоко и прочно вошёл в школьные и университетские учебники в качестве их важнейшего постулата, что его основные положения казались всем

⁸ О формировании, структуре и роли расового дискурса в России см.: [38; 65; 76].

самоочевидными, выглядели уже трюизмами. Соответственно, представление об «иге» прочно господствовало не только в историческом, но и в обыденном сознании.

Синтез «жёлтой опасности» и «татаро-монгольского ига» породил грозную метафору «панмонголизма» — грядущего нового монгольского нашествия. Создавался мощный кумулятивный эффект, ведь с XIX в. и по настоящее время в массовом сознании, официальной идеологии, школьных учебных программах господствует представление о том, что «иго» было самой страшной катастрофой в истории страны. Такие коннотации «панмонголизма» совсем не относились к реальным монголам того времени — мирным скотоводам, терпеливо сносившим «собственное» иго маньчжурской династии Цин. Мистические «монголы» «панмонголизма» выступают символом «желтизны», «нашествия», «угнетения», «тотальной катастрофы». Это сливается в inferнальный страх «войны миров». Выдающийся образец этого дают знаменитые работы В.С. Соловьёва «Панмонголизм» и «Три разговора о войне, прогрессе и конце человеческой истории». По жанру это скорее пророчества о «предстоящем страшном столкновении двух миров», «о панмонголизме и азиатском нашествии на Европу» [57; 58].

С другой стороны, формирующийся комплекс «жёлтой опасности» подкрепляется ресурсами нового, но опирающегося на мощную традицию комплекса «мирового еврейского заговора» (как вариант «жидомасонского заговора»). В исследовательской литературе по большей части констатируется существование этих феноменов, фиксируются и подтверждаются фактическим материалом их распространённость, массовость, анализируются степень воздействия на общественное сознание, их роль в качестве инструмента политической и идеологической мобилизации. Однако исследуются они обычно по отдельности, хотя иногда отмечаются параллели, совпадения, сходства в ксенофобиях, вызванные их совпадающей функциональной ролью, взаимовлиянием, перенесением образов, символов и дискурсов⁹. Содержательный и подробный анализ этой стороны проблемы содержится в статье В. Россмана [54]. В.Н. Топоров прослеживает переплетение данных образов в романе А. Белого «Петербург» [66].

Однако массивы соответствующих текстов дают основание для выделения более сложных и более тесных взаимовлияний и пересечений. Пример этому — предлагаемый ниже сюжет, когда фобии сливаются, порождая единого, всеобщего «врага». Формируется конструкция, когда «жёлтая опасность» предстаёт как порождение или часть «мирового еврейского заговора».

⁹ О механизме подобных операций см., например, статью Н. Мак-Мастера [85].

Принято считать — и для этого есть масса серьёзных оснований — что в основе существования этих и других ксенофобий лежат общие причины (прежде всего потребность в образе врага), распространены они у сходных или одних и тех же психологических, идеологических и политических типов и групп людей. Но сами ксенофобии не сливаются, радикально отличаясь по генезису, истории и объекту формирования, сроку существования, мотивации страхов и т.д. Они могут существовать параллельно, дополняя и усиливая друг друга. Но иногда и параллельные прямые пересекаются.

Таковую вот «неевклидову геометрию» мы сможем увидеть в конструкции, когда две фобии соединяются в одну, создавая запредельную картину «мирового заговора», участниками которого становятся евреи и китайцы (или вообще «жёлтые»). В некоторых вариантах оба врага вообще сливаются в одно целое — и китайцы (или их большинство) оказываются или воплощением еврейства, или еврейством как таковым. В начале формирования такой конструкции происходит переход от сопряжения, сосуществования «смертельных угроз», их взаимного усиления благодаря кумулятивному эффекту к взаимному использованию, сознательному и целенаправленному взаимодействию.

Это принципиально важный переход, так как само существование смертельной угрозы может и не подразумевать сознательного враждебного действия, врага как актора, личности, обладающей разумом и свободой воли. Пусть даже эти качества и не являются человеческими. Здесь же субъект враждебных намерений и действия присутствует. Однако это не отдельный человек, не группа добровольно объединившихся лиц, даже не государство. Это «евреи», «китайцы», «жёлтые» — как сказали бы сейчас, примордиальные общности, к которым отдельный человек принадлежит по факту рождения, а не в результате собственного выбора. И эта принадлежность автоматически предопределяет абсолютное единство взглядов и действий, деятельность, в том числе и политического характера, в качестве единого тела.

Один из текстов подобного рода принадлежит человеку и политике, представлять которого в России нет особой необходимости — В.М. Пуришкевичу¹⁰. В своём послесловии к книге П. Ухтубужского [71, с. 87—99] он формулирует тезис о том, что евреи сознательно саботируют борьбу с надвигающейся грозной «жёлтой опасностью», дабы подорвать мощь России и ввергнуть её в пучину смуты и революции. Таким образом, конструируется модель, в которой

¹⁰ Владимир Митрофанович Пуришкевич (1870—1920) — русский политический деятель правых консервативных взглядов, монархист, черносотенец. Депутат II, III и IV Государственных Дум.

один смертельный враг сознательно использует мощь другого в качестве инструмента для реализации своих целей.

Современник В.М. Пуришкевича, известный и плодовитый публицист, многолетний обозреватель «Нового времени» М.О. Меньшиков неоднократно возвращался к мысли о том, что «расы», к которым он относил среди других и китайцев с евреями, настолько несовместимы друг с другом на биологическом уровне, что испытывают друг к другу инстинктивное «расовое отвращение». «Негр ненавистен американцу уже тем, что он негр. Китаец противен не чем иным, как лишь своим китаизмом: жёлтой кожей, косыми глазами, запахом, манерами. <...> Кроме экономической опасности, господствующие народы чувствуют просто физиологическую опасность покушения на чистоту своей расы, на плоть и кровь свою, понимая, что в особенностях крови всё могущество народа. В диких на вид погромах и манифестациях обнаруживается протест естественной чистоты расы против противоестественного смешения их». Что касается евреев и китайцев, то их объединяет, по мнению М.О. Меньшикова, «экономический паразитизм» и «древнее притязание Азии владеть нами»: «...азиатский наплыв идёт днём и ночью и подмывает самые устои нашего царства». Для этого «евреи всего мира объявили войну России. <...> В наши годы евреи всего света накликают на Россию вражду народов и уже успели (через еврейскую печать в Америке) вызвать японское нашествие» [33, с. 272—274, 324—330].

Наблюдается та же, что и у В.М. Пуришкевича, идея об инструментальном использовании одним врагом (евреями) потенциала другого (китайцев, японцев) для тотального уничтожения «нашей расы». И это не акции отдельных лиц и организаций, а целенаправленная и организованная деятельность «расы», единого биологического организма, несовместимого с другими.

Любопытный и политически легко объяснимый поворот темы мы находим на страницах эмигрантского шанхайского «Нашего пути» (1941): «кровожадные, хищные и алчные евреи» предстают смертельным врагом уже Китая. «Эти международные бунтовщики и заговорщики имели в виду захватить в свои руки Китай и превратить его в свою революционную базу против всех азиатских монархий и их народов, а также восстановить его против Монархической России». Для этого «евреями было организовано в Китае боксёрское восстание, вследствие которого Китай потерял часть своей территории и очутился в невыгодных для своей нации условиях». Сейчас же «иудо-масонский Коммунистический Интернационал» «насаждает в Китае власть советов» и этим подрывает его нормальную общественно-политическую жизнь. «Националистическому Правительству Китая» рекомендуется «взять в поле своего зрения всех проживающих

в Китае евреев, как инициаторов анти-правительственных волнений и захватчиков экономической и политической жизни страны» [64].

Продолжает идею антироссийского еврейско-китайского заговора публицист русского зарубежья В. Криворотов [17]. По его мнению, «„жёлтая опасность“ становится в наши дни реальной угрозой нашей родине. Она мостится на огромном протяжении наших азиатских границ у самого ложа больной и едва начавшей выздоравливать России». А евреи, «поджигатели» и «мировые спекулянты» «науськивают жёлтый Китай на белую Россию». И это не частное дело отдельных людей, а реализация плана «еврейского заговора».

И, наконец, глобальную, логически завершённую картину «заговора» рисует современный российский автор Р. Русаков [55]. Китай и сионизм, считает он, — две крупнейшие силы глобального значения. И они союзники в борьбе за мировое господство. В основе их теснейшего сотрудничества, в частности против России, лежит не только совпадение интересов, «ярко выраженный торгашеский склад ума и гегемонистские амбиции, присущие этим двум нациям». Главное то, что значительная часть китайцев — это на самом деле евреи. И далее, отталкиваясь от общеизвестного факта многовекового существования малочисленной общины «кайфынских евреев» [86; 90], он доводит их численность до десятков миллионов. По мнению Р. Русакова, все лидеры страны в XX в. — от Сунь Ятсена до Дэн Сяопина — или скрытые евреи, или мужья евреек. Китаем управляют «сионисты», и любое противодействие китайской экспансии в современную Россию встречает ярое противодействие евреев. Книга эта широко представлена на националистических сайтах в Интернете. В ней имеются необходимые атрибуты научного исследования — научно-справочный аппарат, ссылки на литературу на нескольких языках, в том числе на китайском. Автор демонстрирует знание внутренней жизни Института Дальнего Востока АН СССР. И это ещё больше усиливает ощущение абсурда.

О подоплёке книги рассказывает А.В. Лукин [25] со ссылкой на крупнейшего отечественного китаевода Е.П. Бажанова. Тот работал в конце 1970 — начале 1980-х гг. в советском посольстве в Пекине, а позднее — в Международном отделе ЦК КПСС. По этой версии, книга была написана сыном осевшего в СССР опального коммунистического лидера Ван Мина. В её основу была положена аналитическая записка, поданная им в Международный отдел ЦК КПСС. Первый заместитель заведующего Международным отделом О.Б. Рахманин, возглавлявший, по оценке А.В. Лукина, группировку, заинтересованную после смерти Мао Цзэдуна в сохранении обстановки «китайской угрозы», разослал эту записку членам Политбюро. Рассчитывал он, видимо, при этом на антисемитизм партийной элиты.

Характерно во всём этом постепенное «взвинчивание ставок», перевод проблемы из плоскости реальных и очень непростых взаимоотно-

шений отдельных государств и народов в сферу в чём-то запредельную, когда враг приобретает черты inferнальные, когда от его всемогущества и всеприсутствия охватывает сладкий ужас. Картина, при которой в мире живёт и плетёт жуткие интриги и заговоры миллиард евреев, — неслабое испытание для измученного антисемитской ксенофобией сознания!

История с «Дыханиями драконов» — это, конечно, клинический случай. Но он интересен тем, что доводит до предела практику слияния различных по объекту ксенофобий для получения в результате кумулятивного эффекта. Но синтезируются не случайным образом подобранные ксенофобии. Использование для усиления «жёлтой опасности» концептов «еврейского заговора» и «монгольского ига» имеет свою логику.

Уже отмечалось, что очень часто в статьях и книгах публицистов, газетных текстах, официальных документах евреи и китайцы рассматриваются в одном ряду, что называется через запятую. И если посмотреть контекст — то это инвективы против «торгашества», «экономического закабаления», говоря нейтральным языком, предпринимательства и предпринимательского уклада жизни и отношений в обществе.

Евреи Европы в качестве «торгового меньшинства» сыграли огромную роль в процессе становления рыночного общества, стали олицетворением, символом новой рыночной эпохи, радикальной ломки веками существовавшей системы отношений — вызвав таким образом враждебность к себе со стороны пострадавших от этого процесса. Контролируемая «торговыми меньшинствами» ранее «экономическая ниша» стала объектом притязаний массы новых участников рыночных отношений. Конкуренция принимала иногда экстремальные формы — вплоть до погромов и геноцида.

Слово «еврей» в результате постепенно отрывается от названия породившей его группы. Наряду с прежним качеством этнонима оно приобретает новое измерение, новую коннотацию — символа и маркера предпринимательских отношений, образа жизни, предпринимательского мира вообще, «торгашества», как писал К. Маркс [27]. Такое употребление находилось на стыке сословного, этнического и расового понимания, в основе которого лежала категория «торгашества». Характеристика этих групп в качестве природных («раса») носителей предпринимательского начала, оцениваемого как неизбежный, но нежелательный и осуждаемый элемент действительности.

А диаспоральность делает это слово маркером ещё одного не приветствуемого качества — всемирности, глобализма, космополитизма. Скорее всего, поэтому антисемитизм и возникает в Японии — как реакция на модернизацию и поиск подходящей для неё дефиниции, а не как результат контакта с отсутствовавшими там евреями.

И король Сиама Рама IV, написав, что «китайцы — это евреи Востока», использовал слово «еврей» в качестве общепонятного термина, маркера для характеристики основного, с его точки зрения, «торгашеского», качества китайцев. Скорее всего, эта дополнительная смысловая нагрузка формируется как результат взаимодействия с китайскими мигрантами, которые были заняты преимущественно в городских профессиях и сферах занятости, достигли больших и видимых успехов в предпринимательстве, сформировали диаспоральный уклад жизни.

С. Глебов приводит серию типичных высказываний о «китайцах как дальневосточных евреях». Он цитирует заметки из газеты «Владивосток», где пишется о «местных гешефтмахерах, нещадно нас эксплуатирующих», о том, что «местные „жидо-манзы“» занимаются спекуляциями. Он приводит примеры того, как определение китайцев как «дальневосточных евреев» входит в оборот в официальных документах [83, р. 114—115]. Такая же риторика используется по отношению к другим «жёлтым» — корейским мигрантам. В посвящённом им официальном докладе даётся следующая оценка: «Посьетский участок, с заселением его корейцами, печальный исторический факт, похожий на тот, когда евреи переселились в Египет и не ассимилировались: египтянам евреи почти ничего не оставили, кроме опустошённой земли; то же повторяется здесь с корейцами. После лишения корейцев земли они превратятся из земледельцев в новый вид желтолицых „жидов“, вид ещё более страшный» [3, с. 85].

Что касается тропа «монгольское иго», то он давно стал отечественным маркером понятий «вторжение», «экспансия», «катастрофа», «насилие» и «рабство». Причём все эти беды связываются с нашествиями кочевых восточных народов. Даже пропагандистская брошюра, основная идея которой сводилась к тому, что без иностранных капиталов Россия потеряет Дальний Восток, называлась «Грядущее монгольское иго» [44]. Этот компонент характерен для отечественной версии комплекса «жёлтой опасности», хотя в зарубежных версиях компенсируется категорией экспансии, вторжения как таковой. Экспансии актуальной или грядущей.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ: МЕЖДУ КИТАЕФОБИЕЙ И «ЖЁЛТОЙ ОПАСНОСТЬЮ»

Дальний Восток — место непосредственной и повседневной встречи Российского государства, общества, большого количества частных лиц с Цинской империей и её подданными. Здесь китайцы уже не абстракция, не экзотические «создания с узкими глазами, которых рисуют

на чайных ящиках» [13], не герои газетных карикатур, не объект донесений чиновников, очерков журналистов и путешественников. Китай здесь — не только геополитическая проблема, но ближний сосед, источник жизненно необходимых ресурсов, куда даже частный человек мог без особых формальностей приехать по КВЖД на выходные. Здесь чиновники решали конкретные проблемы взаимоотношений с властями «сопредельной державы», мучительно формировали миграционную политику, а обычные, частные люди пользовались трудом китайских слуг, торговцев, строителей, покупали произведённые китайцами товары, постоянно контактировали с ними.

Тонкий, умный наблюдатель и аналитик Д.И. Шрейдер, написавший, возможно, самую интересную работу о повседневной жизни дальневосточного общества, приводит слова местных жителей: «Не будь манзы (так русские поселенцы называли китайцев. — *В.Д., Е.Д.*), мы бы все перемерли здесь с голоду». И он комментирует: «Познакомившись ближе с условиями местной жизни, я убедился в том, что в этом утверждении нет, в сущности, никакого преувеличения. Дело действительно обстоит в таком виде, что, лишись край китайцев по какой-нибудь чрезвычайной причине, — всякая культурная жизнь в нём должна прекратиться... При отсутствии в этом юном крае постоянного и оседлого русского населения присутствие манзы является абсолютно необходимым условием более или менее сносного существования европейца. Без него он сидел бы здесь без пищи, питья и топлива и нуждался бы в самых существенных и элементарно-необходимых предметах человеческого общежития» [79, с. 48].

Закономерен вопрос — отношение к китайцам, в том числе и неизбежные при этом страхи и фобии, воспроизводило общероссийскую модель или имело какие-то региональные особенности? Тем более, что состав и структура общества колонизируемой преимущественно государственными усилиями и ресурсами «далёкой окраины» существенно отличались от метрополии.

Учитывая массовость, постоянное присутствие и огромную экономическую роль китайских мигрантов, можно констатировать, что дальневосточное общество состояло из двух общин, находящихся в органическом симбиозе. Существовать друг без друга они не могли, осознание взаимной полезности признавалось всеми. Система контактов и связей на почве экономического сотрудничества была обширна и крепка. При этом русская и китайская общины находились в глубочайшей культурной изоляции друг от друга, в чём-то — в параллельных мирах. Эта культурная и социальная пропасть настолько глубока, взаимное отчуждение так глобально, что формируется массовое устойчивое представление о том, что китайцы — не такие люди, как мы, не совсем люди,

а может быть, и вовсе не люди. А значит, на них не распространяются общечеловеческие нормы морали и заповеди.

Нет, с другой стороны, ситуации космополитизма, которую описывает К. Хамфри на примере многообщинного общества дореволюционной Одессы [74]. Элементы такой ситуации наблюдались, возможно, в портовом Владивостоке, когда иностранцы — европейцы и американцы, — не русифицируясь, сохраняя собственную общинную автономию, вступают в многообразные культурные связи и отношения с русским большинством. Когда формируются элементы общего социокультурного пространства. Но китайцы полностью исключались из этой системы отношений. Культурная и социальная изолированность китайцев устраивает русское население, но замкнутость и непроницаемость китайской общины внушает опасения, формирует атмосферу напряженности и страхов. Усиливает эту атмосферу и осознание полной экономической зависимости от труда китайцев. Ну и, конечно, то, что Россия невероятно далеко (особенно пока не подошёл Транссиб), а огромный, хотя и слабый, «спящий» Китай — рядом. Через реку. Эта напряжённость существует как привычный и почти не замечаемый фон, тем более при общей презумпции собственного превосходства.

Кроме того, как и во всей России того времени, само понятие «общество» часто использовалось «для обозначения коммуникативной среды, включающей в себя лиц, имеющих образование и соответствующий круг интересов» [26], в противовес «народу», понимаемому как просто-народье, находящееся вне письменной культуры или на её периферии. Конечно, это противопоставление уже размывалось бурным процессом модернизации, формированием массового общества, для которого письменные тексты являются естественной средой обитания и залогом существования. Однако общий уровень грамотности продолжал оставаться невысоким — 21,1% населения страны (26,6 из 125,6 млн чел.), по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. [48, с. XVIII]. Тем не менее именно образованное общество формировало слова и смыслы, дискурсы, которые, иногда меняясь до неузнаваемости, проникали и в «народ». Нечего и говорить о его самостоятельной роли, а также прямом и косвенном влиянии на власть, государство.

Сложнее всего дать комплексное описание и анализ отношения к китайцам низов формирующегося дальневосточного населения, находящихся на периферии письменной культуры: казаков, крестьян-переселенцев, золотоискателей и рабочих на золотых приисках, благовещенских докеров и т.д. Они не читали книг и газет и почти не оставили собственных текстов, которые могли бы послужить источниками для реконструкции их взглядов и представлений. Даже если зачастую эти люди

были функционально грамотны, умели читать простые тексты и расписываться. Выявлять их взгляды, фобии и настроения — это отдельная и сложнейшая исследовательская проблема, осмыслению и изучению которой посвящено целое научное направление *subordinate studies*.

Из-за крайнего дефицита письменных источников приходится полагаться на отрывочные и скудные наблюдения со стороны людей образованных и пишущих, а также на характер взаимодействий, преимущественно в кризисных, экстраординарных ситуациях.

Наиболее заметны и неплохо описаны причины материального характера массового неприязненного, а зачастую и просто враждебного отношения представителей низов к китайцам. Несомненной была острейшая конкуренция на рынке труда. В текстах того времени неоднократно описывались случаи массовых драк между русскими и китайскими грузчиками на пристанях Благовещенска, в которых участвовали сотни человек [16; 45]. Постоянными были насилия на золотых приисках.

Во время острейшего кризиса, вызванного восстанием ихэтуаней в Китае и участием российских войск в его подавлении, по всем городам региона прокатилась волна насилий над китайцами, апофеозом которой стало утопление в Амуре нескольких тысяч человек. Одновременно происходили убийства, конфискации земель и имущества и изгнание так называемых зазейских маньчжур — подданных Цинской империи, оседло проживавших на российской территории неподалёку от Благовещенска. Этим занимались казаки и местные крестьяне, заинтересованные в присвоении их земель [11]. Всё это представители низов.

Офицер А.В. Верещагин описывает реакцию благовещенцев на эти события. Вот один из его очерков. В вечерней мгле пароход, на котором он путешествует по Амуру, приближается к чернеющим на воде предметам. По реке плыли трупы. «„Китаец“, — говорит мне вполголоса старик-лоцман, таким невозмутимым тоном, точно речь шла о какой-либо коряге или колдобине... На морщинистом лице старика, с редкой коричневой бородкой, появляется презрительная улыбка. Она как бы говорила: „Стоит ли обращать внимание на такие пустяки!“» [5, с. 116—118].

В основе такого отношения лежала дегуманизация азиатского населения региона. Современники, так или иначе касавшиеся этой проблемы, отмечают рутинность представления, что у китайцев «пар вместо души». По словам знаменитого путешественника и военного разведчика Н.М. Пржевальского, «...наши казаки и солдаты всех инородцев называют не иначе как „тварью“» [51, с. 142].

Талантливый наблюдатель, владивостокский журналист Н. Матвеев писал: «„Ходя“, „китаюза“, „купеза“ — такое, как и везде, обращение к ним, обращение насмешливо-снисходительное, большого с малым, взрослого с подростком. Щёлкнуть „ходю“ в лоб, дёрнуть его за косу,

дать ему „подножку“, хорошего „тумака“ — всё это было допустимо, сходило совершенно безнаказанно и делалось просто так, любя, шутки ради... Обобрать, ограбить „ходю“ среди бела дня, „укокошить“ его считалось делом пустяковым, совсем безгрешным, всё равно что зарезать барашка, и всякий ответ за него казался сущей бессмыслицей. И если „добрые люди“ находили где-нибудь на дороге труп китаюзы, то просто за ноги оттаскивали его в сторонку и спускали его в шурф; тем всё и кончалось. Ни разборами, ни протоколами, ни всякими там следствиями никто себя не беспокоил. Есть из-за кого...» [28, с. 30].

Другой журналист комментирует: «...в силу исконной враждебности сибирского населения к инородцам и традиционной привычки считать их ниже себя, не допускать до себя, а ставить лишь объектом всевозможной эксплуатации, русское население, не имевшее ни в своём характере, ни в образе жизни и культуре ничего общего с китайцами, смотрит на манз, по простонародному выражению, как на тварь, не имеющую даже души и стоящую отчасти даже вне закона» [19].

Едва ли представители простонародья читали или слышали о теориях «жёлтой опасности». Подобно «белому отребью» на американском рабовладельческом Юге, дегуманизация людей на расовых основаниях служила им способом самоутверждения и завоевания не самой низкой ступени в социальной иерархии.

Отношение образованного общества к китайцам сложнее, многообразнее, зато выявить его проще — осталось много текстов самых различных жанров и форматов. Потребности управления Дальним Востоком, задачи его удержания, освоения и колонизации, теснейшая вовлечённость в международные отношения в регионе, экспедиция 1900 г. в Китай и война с Японией — всё это делало насущной потребностью изучение реальных проблем региона, в том числе ситуации с мигрантами. Этим занимались гражданские и военные чиновники (столичные и колониальные), учёные, путешественники, публицисты. Иногда один человек мог выступать в нескольких ролях. И здесь сразу вспоминается В.К. Арсеньев — всемирно известный путешественник, учёный, писатель, кадровый военный [62; 75]. Зачастую это были выдающиеся знатоки местных реалий, глубокие и тонкие аналитики, хорошие стилисты.

Обычная образованная публика также неплохо разбиралась в узлах международных отношений на Дальнем Востоке и не путала Китай и китайцев с Японией и японцами. Задолго до появления имагологии в качестве отдельной науки изучались образы китайцев, японцев и корейцев.

Некоторые губернаторы стремились выявить основные подходы к ключевым проблемам края, аргументацию и интересы сторон. Для этого собирались так называемые Хабаровские съезды — совещания виднейших чиновников, предпринимателей, учёных,

специалистов-практиков по различным проблемам, журналистов и т.д. Сценарий их был примерно таков: генерал-губернатор, предупредив, что съезд имеет чисто совещательные функции, формулировал для обсуждения несколько проблем. Затем шли свободные дискуссии, где имели возможность высказаться все желающие. Из отчётов видно, что высшие сановники края активно участвовали не только в парадном открытии и заключительном банкете, но и во всех обсуждениях. После дискуссии по каждой проблеме генерал-губернатор резюмировал итоги и формулировал своё решение. Оно и становилось окончательным [60; 39; 67; 68]. Однако многие правители края считали возможным обходиться и без подобного мероприятия.

Всё это породило большой корпус текстов, прямо или косвенно посвящённых рассматриваемой проблеме. Из официальных документов различного уровня, аналитических записок военных и гражданских экспертов, публицистических брошюр и газетных заметок, дневников старожилов и наблюдений путешественников складывается сложная, многообразная и противоречивая картина отношения дальневосточников к Китаю, китайцам, китайским мигрантам, «китайскому вопросу». В ней причудливо переплелись мотивы сочувственного, доброжелательного или вполне равнодушно-прагматического отношения, но чаще — отчуждения, анализ реальных проблем и конфликтных ситуаций, страхи и опасения от контакта и осознания зависимости от «чужих», синдрома фобии и страха перед «жёлтой опасностью».

Но было и общее дискурсивное пространство. При всём разнообразии жанров, подходов, авторских стилей, уровня и характера рассматриваемых проблем, значительное (возможно, преобладающее) количество текстов объединяет повсеместное и привычное использование категории «жёлтый» («жёлтый вопрос», «жёлтый труд», «жёлтая раса», «наплыв жёлтой расы», «жёлтые» и т.д.). Она активно использовалась в обыденной речи (от просторечия до языка образованных слоёв), в публичном дискурсе, в языке прессы и публицистики, в научных исследованиях, в официальном бюрократическом языке (вплоть до важнейших государственных документов). И хотя одновременно употреблялись собственные названия народов (китайцы, корейцы, японцы и т.д.), но благодаря такому агрегированию они сливались в единую, огромную, нерасчленённую массу «жёлтых». Хотя в слово «жёлтые» могли закладываться разные смыслы и значения — от подчёркивания расовых коннотаций («жёлтая раса») до удобного агрегирования совокупности китайцев, корейцев и японцев, — его употребление было ярким проявлением расового подхода, инструментом экзотизации, выделения по расовому признаку.

Отношение к синдрому «жёлтой опасности» было сложным и неоднозначным. Имелись его решительные противники и яростные сторонники.

Причём и те, и другие часто исходили из разных, иногда взаимоисключающих посылок. Было много тех, кто отвергал основные положения синдрома или стремился понять, насколько миграционная и геополитическая ситуация России, связанная с соседством с дальневосточными государствами и народами, несёт в себе риски и угрозы для страны. Однако использование ими терминологии и образов, дискурса синдрома «жёлтой опасности» только вело к его усилению, укрепляло его легитимность.

В общем, как писал анонимный журналист, «...взгляды публицистов и учёных на китайскую „жёлтую опасность“ совершенно не сходны между собой в основах. Одни признают эту опасность только в виде мирной, трудовой и всепоглощающей „жёлтой волны“, другие присоединяют к этому ещё возможность беспощадной, за жизнь или смерть, вооружённой борьбы между жёлтой расой и кавказской, как пророчит это известный китаевед проф. Васильев» [19, с. 78].

Представления о том, что в основе взаимоотношений между людьми и народами заложен расовый принцип, преобладают, а иногда и полностью господствуют в текстах геополитического жанра, в глобальных обобщениях, выводах властей стратегического характера.

Мы забыли, пишет известный дальневосточный аналитик, «один весьма важный антропологический закон: скала монгольского племени по своей твёрдости занимает первое место среди всех народов на нашей планете...<...> Они по своей выносливости, плодовитости и нетребовательности представляют из себя почти 400-миллионную массу, *volens-nolens*, но мирно, бескровно поглощают с костями соседние народы...<...> Народы Китая — тот биологический вулкан, который, придя в действие, должен, судя по ходу исторической эволюции, задавить всё близлежащее» [29, с. 18—19].

Военный министр генерал А.Н. Куропаткин отстаивал геополитический проект присоединения к России Северной Маньчжурии для оформления безопасных естественных границ и гарантии удержания Дальнего Востока. Но при этом вводил проект в контекст «жёлтой опасности» как общемировой угрозы. «Но особенную угрозу для Европы представляет движение против европейцев, начавшееся в Азии. Император Вильгельм II называет это движение „жёлтой опасностью“ и пророчески указывает на серьёзность этой опасности. Нельзя действительно не признавать опасности движения против Европы, в котором может принять участие население численностью около восьмисот миллионов душ, с армией в несколько миллионов человек. <...> Потеря владений в Азии и на других материках, потеря всемирных рынков — составляет такую угрозу самым жизненным интересам Европы, что для отражения опасности все европейские государства... должны объединить свои усилия, чтобы дать отпор силам других рас» [18, с. 253—254].

Из Всеподданнейшего отчёта приамурского генерал-губернатора: «Много лет покоившаяся на побережьях Тихого океана жёлтая раса ныне потревожена назойливыми чужеземцами и невольно встрепенулась. Перед нею страшная картина совершившегося с Индией, где старинные вельможные роды обратились в нули, а цветущие царства — в вассальные колонии для высасывания из них европейцами лучших жизненных соков. Перед ними предстало надвигающееся европейское владычество. Поднялась голова этой расы, Япония, население которой по островному своему положению и примеси энергической и интеллигентной малайской крови, является мозгом и нервными центрами гигантского туловища — Китая и Кореи. Началась, пока и глухая, борьба пятисотмиллионной жёлтой расы с европейскими выходцами» [7, с. 167]. Характерно, что перед этим предлагается тщательный и обстоятельный анализ ситуации с мигрантами в регионе и оцениваются выгоды и риски присутствия именно китайцев, корейцев и японцев, а не агрегированных «жёлтых». Геополитический анализ, однако, потребовал иного категориального аппарата.

Генерал-губернатор Н.Л. Гондатти в 1914 г. отмечал: «...китайская эмиграция, высасывающая государственные и народные средства, ничего, кроме вреда, не приносит; в силу же того обстоятельства, что к нам стремится из Китая исключительно люд, которому терять решительно нечего и который, благодаря чисто своим расовым свойствам и принципам, смотрит на многие вопросы совершенно иначе, чем русские и вообще европейцы, они — во время своего пребывания в наших пределах являются элементом высшей степени незакономерным...» [10, с. 70].

Генерал-губернатор Приамурского края П.Ф. Унтербергер, опытный колониальный чиновник, заслуженный исследователь и знаток края, уделял огромное внимание ситуации с китайскими и корейскими мигрантами. По его инициативе был создан первый проект миграционного законодательства в России. Развёрнутая генерал-губернатором антикорейская кампания основывалась на том, что он предпочитал видеть Дальний Восток русской пустыней, но не цветущим садом «жёлтых», поэтому отдавал предпочтение *временным* китайским мигрантам, а не постоянным корейским [8, с. 137]. Нам интересна стратегия этого подхода: корейцы, колониционные преимущества и потенциал которых очевидны, отвергаются именно по той причине, что они «жёлтые». Борьба с «жёлтым трудом» для П.Ф. Унтербергера — вполне трезвая стратегия освоения региона, а не трансцендентная проблема «войны миров» [69; 70].

Общая тенденция состояла в том, что конкретные проблемы, трудности, противоречия в развитии региона, вопросы управления им (в той части, что связана с мигрантами) обычно рассматривались в категориях

сословия, этничности или подданства. Но как только анализ выходил в плоскость выстраивания геополитики, стратегии, общего взгляда на роль региона в стране и мире, начинал господствовать «жёлтый» дискурс.

Вполне осознанно это сочетание различных подходов и терминологических аппаратов постулируется в докладе В.В. Граве, являющемся образцом ведомственного анализа той эпохи. «При выработке мер для борьбы с наплывом жёлтой расы в русские пределы и уничтожения их конкуренции с русскими предприятиями, необходимо, прежде всего, определённо выяснить положительные и отрицательные качества отдельных народностей, входящих в состав этой жёлтой массы, и в связи со значением, которое они имеют на местное население, регулировать отношение государства к ним» [8, с. 234]. Автор даёт характеристику китайцам как расе: «...Не менее важное значение представляют для страны с точки зрения Государственной безопасности присущие этому народу расовые особенности, поскольку таковые влияют на местную жизнь. Они выражаются в свойственном китайцам чувстве дисциплины; в стремлении организовать в отдельные общества или союзы для более успешного достижения намеченных целей; в консерватизме во взгляде на жизнь, на её обстановку, благодаря которому китайцы не могут привыкнуть к регулирующим русскую жизнь законам и фактически управляются своими начальниками, тайно исполняющими свои обязанности по китайским законам; в полном равнодушии к смерти, а отсюда — в несоблюдении минимальных требований санитарии и личной гигиены и, наконец, в способности ограничивать до *minimum*'а и личные потребности в одежде, пище, жилищах и т.п.» [8, с. 103].

Чиновник Переселенческого управления из Владивостока А. Панов, давая глубокий и трезвый анализ состояния рынка труда в связи с китайской миграцией, сделал вывод о том, что «китайский поток вовсе не имеет того стихийного характера, который ему обычно придают. Это не то несокрушимое стремление, с которым движется глетчер, оползающая гора, морское течение или поток лавы и с которым воля человеческая не в силах бороться. Это самое естественное экономическое явление, регулируемое, как и всякое другое, спросом и предложением, а стало быть, и бороться с ним возможно и необходимо также на экономической почве — путём изменения условий рабочего рынка» [43, с. 251]. Он очень чётко разделяет положение китайцев, корейцев и японцев на рынке труда. И тем не менее в заголовках его статей обыденно употребляются словосочетания «жёлтый труд», «жёлтый вопрос» и даже «жёлтое засилье», с которыми он привычно призывает бороться [45; 46; 47].

В.К. Арсеньев, характеризуя проблемы, трудности, риски, связанные с пребыванием китайцев в крае, анализирует их личные каче-

ства — и тогда говорит именно о китайцах. Но как только дело доходит до общих выводов и рекомендаций, (то есть до политики), сразу переходит на эпитеты «жёлтый» и «жёлтый вопрос». Он считает, что китайцев «слишком много», что количество «жёлтого» населения Дальнего Востока растёт быстрее русского. Как угроза национальной безопасности расценивается неупорядоченность и стихийность процесса миграции, огромные масштабы нелегального проникновения, фактическая экстерриториальность подданных соседней империи [2].

Местные наблюдатели и аналитики описывали и анализировали конкретные проблемы региона, связанные с пребыванием китайских мигрантов. В них видели питательную почву для массового бандитизма — хунхузничества [41]. Обвиняли в том, что мигранты приносят в край, и без того не отличавшийся строгими нравами, свои пороки. Часто описываются опиекурильни, игорные дома как некие центры китайских трущоб [79], представляющих одновременно рассадниками чудовищной антисанитарии. Доброжелательно настроенный к китайцам Л. Богословский писал: «...нормы гигиены „чужды неразвитому уму китайцев“, а при дороговизне жилья — и недостижимы». Отсюда — болезни, высокая смертность, постоянная угроза возникновения эпидемий [4]. Огромную тревогу вызывал контрабандный ввоз водки — ханшина. Китайцев часто обвиняли в хищническом грабеже богатств уссурийской тайги, незаконной добыче и контрабанде золота. Возмущала эксплуатация китайскими торговцами, браконьерами, хунхузами туземцев — коренного населения края. Приводились многочисленные примеры насилий, пыток, убийств, кабалы [2; 40]. Влияние факторов скученности, антисанитарии, распространения заразных болезней в чайна-таунах (в том числе и в китайском квартале Владивостока) на формирование синофобии анализирует С. Урбански [87].

Большая часть проблем, связанных с китайской иммиграцией, рассматривалась в категориях «жёлтого труда». В публикациях специалистов содержится квалифицированный анализ рынка труда: отраслевая и региональная динамика применения китайской и корейской рабочей силы, уровень оплаты труда, структура расходов, масштабы вывоза рублиевой массы из страны [8; 20; 30; 31; 45; 50]. Проблема заключалась в том, что Китай мог демпинговать рынок труда, поставляя неограниченное количество рабочей силы, отличающейся дешёвой, дисциплинированностью, умением быстро осваивать новые профессии и сферы деятельности. Считалось, что это препятствовало заселению региона русскими, вело к его «окитаиванию», а в возможной перспективе — и к его потере. Существовало и понимание того, что без «жёлтой» рабочей силы освоение региона невозможно. По этой причине наблюдались ожесточённость дискуссий, постоянное

столкновение ведомственных и иных интересов, принятие ограничительных мер и их немедленное блокирование.

Наибольшим алармизмом отличались взгляды крупнейшего дальневосточного предпринимателя, общественного деятеля и публициста С.Д. Меркулова [34; 35; 36]. Он доказывал, что официальные оценки численности китайцев в крае занижены. Китайцев много, писал он, они трудолюбивы, неприхотливы, согласны на любую работу за крайне низкую оплату, не пьют, вывозят большую часть заработанных денег в Китай, чем подрывают финансовую стабильность в регионе. «Жёлтый труд» создаёт непреодолимый барьер для притока русских переселенцев. Дешевизна «жёлтой» рабочей силы консервирует техническую отсталость, особенно в промышленности. Русские крестьяне и казаки сдают свои земли в аренду китайцам, сами производительным трудом почти не занимаются — и это ведёт их к паразитизму, пьянству и деградации. Китайские рабочие становятся источником социальных конфликтов — стачек, драк с русскими рабочими.

Как часть проблемы «жёлтого труда» рассматривались и конкурентные отношения в сфере торговли. Многие авторы отмечали, что китайцы благодаря своей энергии, предприимчивости, трудолюбию, корпоративности за сравнительно короткое время заняли (монополизировали) подавляющую часть мелкой и средней розничной торговли.

Идея «жёлтой опасности» разделялась в России далеко не всеми, причём по очень разным причинам. «Спасая Европу от придуманной и даже нарисованной императором Вильгельмом „жёлтой опасности“, мы воевали с Японией... и, может быть, будем воевать с Китаем». Так осуждающе пишет П. Тимофеев — убеждённый сторонник русского национализма, призывающий бороться с засильем в стране евреев, китайцев, иностранцев. Провозглашая лозунг «Россия для русских», он восхищается японским национализмом и призывает учиться у них [63].

Социалист С.Н. Тавокин, восхищаясь «великим прогрессом Японии» и её военными успехами, переводит проблему в плоскость классовой борьбы: «Если же „жёлтая опасность“ и существует, если она и представляет некоторую реальную силу, то угрожает она не человечеству, не культурному миру, а единственно той „белой“ буржуазии, которая питалась дальневосточными рынками. Если призрак „жёлтой опасности“ страшен, то не Европе и европейской цивилизации, а исключительно лишь современному капиталистическому строю Старого и Нового Света. <...> Свет, избавление от ярма капитализма, разрешение социалистического вопроса произойдёт с Востока» [61, с. 4, 24, 31].

Однако отрицание «жёлтой опасности» не сопровождается протестом против употребления самого эпитета «жёлтый» или его игнорированием в собственных текстах. Даже убеждённый противник расовой

теории, политический ссыльный — народник и выдающийся исследователь Сибири Д. Клеменц, принципиально и доказательно отрицая «жёлтую опасность», саму возможность объединения столь разных народов, как китайцы, японцы и монголы, тем более для совместной экспансии против Европы, привычно пользуется соответствующей терминологией, даже не закавычивая её [14].

Влияние подобных представлений и образов было столь велико, что и вполне рациональный анализ рисков, реальных и потенциальных опасностей и проблем, вытекающих из новой геополитической и миграционной ситуации, наполнялся их идеологией или формулировался в их категориальном аппарате.

И только внимательный наблюдатель, тонкий аналитик Д.И. Шрейдер практически не пользуется словом «жёлтый» и не мыслит в этих категориях. «На манз, да и на всех прочих инородцев, не исключая японцев, занимающих ныне едва ли не первое место на всём азиатском Востоке, европеец — безразлично, на нашей ли далёкой окраине, в Индии, на Малайском архипелаге и т.д. — всегда привык смотреть как на людей низшей породы. С ними не сближаются... обыватели равно не знают их и равно чужды им» [79, с. 82].

Алармизм, представление о «жёлтой опасности» — преобладающий, но не единственный подход к проблеме. Были авторы, которые присутствие китайцев воспринимали как необходимую и неотъемлемую часть жизни региона. Они сочувственно описывали тяжелейшие условия их жизни и труда, неодобрительно характеризуя высокомерно-пренебрежительное отношение к ним со стороны властей и значительной части общества, протестуя против широко распространённых злоупотреблений.

Многие исследователи и публицисты, соглашаясь с тезисом об опасности «жёлтого труда», считали, что он необходим и неизбежен. Без него невозможно в кратчайшие сроки и с минимальными затратами создать инфраструктуру господства России — города, морские порты, шоссе и железные дороги, сельскохозяйственное и промышленное производство, горные промыслы. Неосвоенный же в экономическом, военном, политическом отношении край неизбежно будет потерян для России. На такой позиции стоял, например, А.А. Панов — постоянный оппонент С.Д. Меркулова. М. Ковалевский вообще считал, что, «пока китайский труд носит характер отхожего промысла, он не грозит прочным поселением китайцев в нашей восточной окраине, а, следовательно, и не способен внушить серьёзных политических опасений» [15].

Анонимный автор «Сибирского сборника» решительно выступает против того представления, что «китайское население края оказывалось какой-то общею многотысячною шайкою разбойников, хищников,

разоряющих естественные богатства края и вносящих своей распущенностью, опиекурением, азартными играми и прочим — полную деморализацию в среду русского элемента. За манзами не оставлялось ни одной светлой черты; в жизнь края они вносили только одно зло — и нравственное, и экономическое, и политическое, плодили бесправие — словом, являлись таким отбросом, против которого нужны были самые строгие меры, и чем скорее избавился бы край от такого элемента, тем было бы лучше». Он делает вывод: «...нужно... снять с китайцев излишние нарекания и показать, что они также люди и имеют такое же право, как и все, на покровительство законов, что они постольку же равноправны, поскольку то допущено основными законами, а не произволом массы; короче, нужно было вывести манзу из ложного положения, как ради него самого, так и ради правильного течения жизни в русской дальневосточной колонии» [19, с. 77—108].

Однако преобладала позиция, представленная в брошюре П. Ухтубужского: «Известно, что жёлтые народы питают органическую ненависть к европейцам, а к нам, русским, в особенности... Они мечтают... о завоевании всего мира... Нашествие жёлтых на богатые области Сибири уже началось. Правда, это, как выражаются у нас, „мирное“, экономическое нашествие, но и при этом мирном нашествии русские вытесняются жёлтыми, которые захватывают торговлю, промыслы, заработки и т.д. <...> Народами правит Бог. Побеждают те народы, которые защищают Добро и Истину. Если в Азии столкнётся Россия, несущая народам свет Православия, с жёлтыми народами, погрязающими во тьме язычества, то в исходе этой борьбы не может быть сомнений. Крест одержит победу над Драконом, олицетворяющим „князя мира сего“» [71, с. 64—65, 75, 85].

Таким образом, в отношении к китайцам жителей российского Дальнего Востока причудливо сочетались мотивы равнодушно-потребительского отношения, сочувственной симпатии, синофобии (как недоброжелательного и даже враждебного отношения к культурному «чужому») и страха перед «жёлтой опасностью». При этом почти полное преобладание дискурса «жёлтый», диктующего расовые коннотации, делает синдром «жёлтой опасности» базовым, практически господствующим.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общемировой комплекс представлений об устройстве общества, стереотипов, страхов и предрассудков, известный как «жёлтая опасность» (yellow peril), был реакцией динамично и кризисно модернизирующегося западного общества на тесный контакт с многочисленными

народами и древними, хотя и находящимися в упадке, империями Азии. Кроме того, мощные китайские миграции создали ситуацию массового повседневного контакта европейцев и американцев с выходцами из Поднебесной. Контакт был во многом конкурентный, что формировало массовые антикитайские настроения, зачастую становящиеся причиной погромов.

Это была острая реакция на тесный контакт с Востоком, результат осмысления этого контакта в образах противостояния Востока и Запада, в современных для того времени категориях «принципиальной несовместимости рас» и расовой иерархии. Формировалась заведомо непреодолимая граница и идея невозможности предотвращения «войны миров» путём компромисса, договорённости, торга.

Был востребован «образ врага», отличающегося визуально, носителем экзотичной культуры, имеющего непривычный уклад жизни. Иными словами — почти инопланетянина, что открывало пространство для спекуляций о «войне миров». Комплекс «жёлтой опасности» носил общемировой характер и был порождением Нового времени, процессов глобализации жизни, распространения (и уже даже господства) массовой культуры, основанной на всеобщей грамотности и печатных текстах.

Этот комплекс возник, сформировался на пересечении двух глобальных страхов того времени. Во-первых, отторжения предпринимательства как господствующего уклада и образа жизни, жестоко и беспощадно ломающего тысячелетние устои традиционного общества. Во-вторых — страха перед дальневосточными народами и государствами, активно интегрирующимися в сферу международных отношений, становящихся неотъемлемой и важной частью нового мирового порядка.

Россия была активным участником, одним из эпицентров формирования указанного синдрома и использования его регулирующей роли. Тем не менее расовый мотив был здесь исторически менее выражен как основание для ксенофобии. «Свои» инородцы, азиатские подданные Российской империи (например, буряты или якуты) как «жёлтые» не идентифицировались, по отношению к ним использовались сословная и — позднее — этническая система категорий.

Стремительно, болезненно модернизирующееся общество и государство, вышедшее к Тихому океану, почти внезапно для себя обрели тревожную, опасную ситуацию соседства с великими азиатскими империями и многочисленными народами. Общемировая основа синдрома была дополнена традиционными, исторически сложившимися фобиями «монгольского ига» и «еврейского заговора».

Учитывая роль только что присоединённого и огромного по территории Дальнего Востока как общеимперской проблемы, важно

выяснить, насколько население региона испытывало влияние комплекса «жёлтой опасности». И если испытывало — то отличалось ли его восприятие неким своеобразием?

Приведённый в статье спектр частных мнений и официальных позиций по этому поводу позволяет сделать вывод, что на уровне идеологии, политики, административных стратегий и практик принципиальных отличий между Востоком России и метрополией не было. Возможно, по причине почти полной концентрации населения региона вокруг властных структур, державное понимание и державная оценка трансграничной миграции в регион были почти монопольными. Бюрократический плюрализм имел место, но границы оттенков во мнениях проходили по ведомственной линии, а не по линии «Центр — окраина». Формирование общественного мнения как важной составной части модернизационного процесса не обошло стороной Дальний Восток. Местные газеты, собственная прослойка журналистов, публицистов, публичных ведомственных аналитиков, активные дискуссии вокруг миграционных проблем — всё это было. Однако при всех местных особенностях, при большей погружённости в реальную ситуацию они в целом воспроизводили общеимперский дискурс. Ничего сопоставимого с проектом «сибирского областничества» здесь не возникло.

Трудно считать эквивалентом этого проекта экзотическую идею «Желтороссии», активным сторонником которой был столичный журналист И. Левитов. Она даже не вошла в стадию проекта в силу того, что отсутствовали чётко сформулированная задача, понимание того, чем должна быть «Желтороссия». Некоторые планировали для этого территорию с колониальным статусом и китайским населением, образованную из отторгнутой у Китая части Маньчжурии, видя её прообраз в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги. И. Левитов же считал, что собственный Дальний Восток должен стать не интегральной частью России, а её колонией — «Желтороссией». Предназначение колонии — давать доходы метрополии, поэтому необходимо широко открыть двери для китайских переселенцев и всячески эксплуатировать их. «Амур и Уссурийский край превратятся в русскую Индию. Если Бог дал нам египетских рабов, которые охотно предлагают нам свои услуги, так почему же нам не воспользоваться ими. Я не вижу ни малейшей опасности от китайцев, при условии если только ни один из них не будет пропущен через Байкал» [22]¹¹.

Синдром «жёлтой опасности» в России не пережил имперской эпохи. Новая государственная идеология, чаще всего называемая «пролетарским интернационализмом», дополненная железным занавесом

¹¹ См. также [23; 24].

и полным выдавливанием из страны китайских мигрантов, сделала этот взгляд неактуальным. Китайцы как объект для взаимодействия и повод для формирования стереотипов надолго исчезли из жизни советского общества и даже из его исторической памяти.

Новый, постсоветский этап тесных контактов, сотрудничества и конфликтов стал причиной формирования, помимо всего прочего, и нового ксенофобского комплекса. По инерции он иногда пользуется старыми, всплывшими из забвения образами и словами. Однако произошла гигантская перемена в понимании объекта страхов: на смену «жёлтой расе» пришли «китайцы», «китайские граждане», «китайские мигранты». Ушёл (или маргинализировался) расовый подход, представление о непреодолимой биологической пропасти между народами. На смену «жёлтой угрозе» пришла «китайская опасность». Место «войны миров» заняли геополитическое соперничество государств, конкуренция и конфликты отдельных людей или их групп.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
2. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае: очерк историческо-этнографический. Хабаровск: Тип. Канцелярии Приамур. ген.-губернатора, 1914. 204 с. (Записки Приамурского отделения Императорского Русского географического общества. Т. 10. Вып. 1)
3. Бенжамин Т. «Жёлтый вопрос» и еврейский вопрос на российском Дальнем Востоке: 1858—1914 // *Judaic-Slavic Journal*. 2021. № 1 (5). С. 68—100.
4. Богословский Л. Крепость-город Владивосток и китайцы // *Вестник Азии*. 1913. № 13. С. 20—33.
5. Верещагин А.В. По Манчжурии. 1900—1901 гг. Воспоминания и рассказы // *Вестник Европы*. 1902. № 1. С. 116—118.
6. Вильгельм II. Мемуары. События и люди. 1878—1918 / пер. Д. Триуса. М.; Петроград: Изд-во Л.Д. Френкель, 1923. 178 с.
7. Всеподданнейший отчёт Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского, 1893, 1894 и 1895 годы. СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1895. 172 с.
8. Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. Отчёт Уполномоченного Министерства Иностранных Дел В.В. Граве. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1912. 489 с. (Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. XI)
9. Гудков Л. Идеологема «врага»: «враги» как массовый синдром и механизм социальной интеграции // *Образ врага*. М.: ОГИ, 2005. С. 7—79.
10. Движение китайцев в Россию принимает угрожающие размеры // *Источник*. 1997. № 1. С. 70.
11. Дятлов В., Гузей Я., Сорокина Т. Китайский погром. Благовещенская «Утопия» 1900 года в оценке современников и потомков. СПб.: Нестор-История, 2020. 208 с.
12. Ивасита Акихиро. 4000 километров проблем: российско-китайская граница / пер. с яп. М.Г. Горфункель. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. 333 с.

13. Китай и китайцы // Москвитянин. 1852. № 24. Отд. 7. С. 163.
14. Клеменц Д. Беглые заметки о жёлтой опасности // Русское богатство. 1905. № 7. С. 36—56.
15. Ковалевский М. Порто-франко во Владивостоке // Вестник Европы. 1909. Т. 255. С. 423—437.
16. Комов А. О китайцах и корейцах в Приамурском крае // Сибирские вопросы. 1909. № 27. С. 18—27.
17. Криворотов В. «Жёлтая опасность», Амальрик, Киссинджер и Россия // В. Криворотов. Некоторые мысли к русской возрожденческой идее. Статьи и письма. Мадрид, 1975. С. 83—95.
18. Куропаткин А.Н. Россия для русских. Задачи русской армии. Т. III. Задачи России и русской армии в XX столетии. СПб.: Тип. «В. Безобразов и Ко», 1910. 440 с.
19. Л-н. Капитуляция русского труда и капитала в Приамурье (к жёлтому вопросу) // Сибирский сборник за 1904 год. (Прил. к газете «Восточное обозрение»). Иркутск, 1904. С. 77—108.
20. Л.Г. Жёлтый труд на Дальнем Востоке по данным 1914 года // Вопросы колонизации. 1916. № 19. С. 140—171.
21. Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. 512 с.
22. Левитов И. Жёлтая опасность. Жёлтая Россия. Доклад И. Левитова // Русский вестник. 1901. Июль. С. 199—202.
23. Левитов И.С. Жёлтая раса. СПб.: Тип. инж. Г.А. Бернштейна, 1900. 49 с.
24. Левитов И.С. Желтороссия, как буферная колония. СПб.: Тип. инж. Г.А. Бернштейна, 1905. 120 с.
25. Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII—XXI веках. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 598 с.
26. Малинова О.Ю. Общество, публика, общественность в России середины XIX — начала XX века: отражение в понятиях практик публичной коммуникации и общественной самодеятельности // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 1. С. 428—463.
27. Маркс К. К еврейскому вопросу // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1955. Т. 1. С. 382—412.
28. Матвеев Н. Китайцы на Карийских промыслах // Русское богатство. 1911. № 12. С. 28—43.
29. Мацокин П.Г. Несколько слов к статье Л. Богословского «Крепость-город Владивосток и китайцы» // Вестник Азии. 1913. № 15. С. 18—19.
30. Мацокин П.Г. Оценка данных производств в японских, китайских и европейских ремесленно-промышленных заведениях за 1910—1911 гг. // Вестник Азии. 1911. № 10. С. 1—20.
31. Междуведомственное совещание по делам Дальнего Востока. Справка по вопросу о мерах борьбы с китайской торговлей в Приамурье. [Б.м.]. [Б.г.]. 8 с.
32. Менгден О.Ф. Жёлтая опасность или эмиграция китайцев и влияние, оказываемое ею на белую и жёлтую расу / пер. с нем. СПб.: Изд-во В. Березовского, 1906. 68 с.
33. Меньшиков М.О. Письма к русской нации. М.: Изд-во журнала «Москва», 2000. 555 с.
34. Меркулов С.Д. Вопросы колонизации Приамурского края. Вып. II. (Статьи, письма, заметки). СПб., 1911. 107 с.
35. Меркулов С.Д. Вопросы колонизации Приамурского края. Жёлтый труд и меры борьбы с наплывом жёлтой расы в Приамурье. Владивосток: Тип. В.К. Иогансон, 1911. 51 с.

36. Меркулов С.Д. Русское дело на Дальнем Востоке: докл. С.Д. Меркулова... вел. кн. Александру Михайловичу [и прения]. СПб.: Тип. Ю.А. Мансфельд, 1912. 70 с.
37. Мещеряков А.Н. Статья японцем. М.: Эксмо, 2012. 431 с.
38. Могильнер М. Ното imregii: история физической антропологии в России (конец XIX — начало XX в.). М.: Новое литературное обозрение, 2008. 255 с.
39. Надаров И.П. Второй Хабаровский съезд (губернаторов и других представителей) 1886 года. Владивосток: Тип. Штаба портов Восточного океана, 1886. 79 с.
40. Надаров И.П. Северно-Уссурийский край. СПб.: Воен. тип., 1887. 169 с.
41. Надаров И.П. Хунхузы в Южно-Уссурийском крае (очерк) // Военный сборник. 1896. № 9. С. 183—204.
42. Нансен Ф. В страну будущего. Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море. Петроград: Изд-е К.И. Ксидо, 1915. 454 с.
43. Панов А.А. Борьба за рабочий рынок в Приамурье // Вопросы колонизации. 1912. № 11. С. 241—282.
44. Панов А.А. Грядущее монгольское иго. Открытое письмо Народным Представителям. СПб.: Электро-тип. Н.Я. Стойковой, 1906. 48 с.
45. Панов А.А. Жёлтый вопрос в Приамурье // Вопросы колонизации. 1910. № 7. С. 53—116.
46. Панов А.А. Жёлтый вопрос и меры борьбы с «жёлтым засильем» в Приамурье // Вопросы колонизации. 1912. № 11. С. 171—184.
47. Панов А.А. Жёлтый труд на Дальнем Востоке по данным 1914 года // Вопросы колонизации. 1916. № 19. С. 140—171.
48. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1905. 417 с.
49. Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894—1914. Петроград; М.: Госиздат, 1923. 202 с.
50. Предварительные итоги бюджетного обследования рабочих и служащих Дальнего Востока в марте 1924 года: с прил. — Бюджет рабочего-китайца в Приморье. Хабаровск, 1924. 109 с.
51. Пржевальский Н. Путешествие по Уссурийскому краю. 1867—1869. СПб., 1870. 374 с.
52. Ремнев А.В. «Крест и меч». Владимир Соловьев и Вильгельм II в контексте русского имперского ориентализма // Европа. Международный альманах. Тюмень, 2004. Вып. IV. С. 56—78.
53. Ромер Сакс. URL: <https://oldmaglib.com/authors/461> (дата обращения: 21.03.2022).
54. Россман В. Призраки XX века: «жёлтая опасность» и еврейский заговор в европейских сценариях заката Европы // Параллели: русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. М.: Дом еврейской книги, 2003. № 2—3. С. 11—52.
55. Русаков Р. Дыхание драконов (Россия, Китай и евреи). М.: Москвитянин, 1995. 160 с.
56. Сарториус фон-Вальтерсгаузен. Вопрос о труде китайцев // История труда в связи с историей некоторых форм промышленности. СПб., 1897. С. 250—270.
57. Соловьев В.С. Панмонголизм // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М.: Наука, 1993. С. 233.
58. Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 635—762.
59. Столповская А. Очерк истории культуры китайского народа. СПб.: Изд-е К.Т. Солдатенкова, 1891. 477 с.
60. Съезд губернаторов и других представителей в г. Хабаровке. [Б. м.], 1885. 34 с.

61. Тавокин С.Н. К вопросу о «жёлтой опасности». Киев: Восточная библиотека, 1913. 32 с.
62. Тарасова А.И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. Изд. 2-е, испр. и доп. Владивосток: Издат. дом Дальневосточного федерал. ун-та, 2012. 412 с.
63. Тимофеев П. Порто-франко на Дальнем Востоке и русский космополитизм. М., 1908. 39 с.
64. Тиссен А. Китай и евреи // Наш путь. Шанхай. 1941. № 11. 29 июня.
65. Тольц В. Дискурсы о расе: имперская Россия и Запад в сравнении // «Понятие о России»: к исторической семантике имперского периода. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. II. С. 145—193.
66. Топоров В.Н. О «евразийской» перспективе романа Андрея Белого «Петербург» и его фоносфере // Евразийское пространство: звук и слово. М.: Композитор, 2000. С. 83—124.
67. Труды III Хабаровского съезда / обработал по поручению бывшего Приамурского ген.-губернатора, ген.-адъютанта, барона Андрея Николаевича Корфа агр. Н.А. Крюков. Хабаровка: Тип. М.А. Тыртова, 1893. 170 с.
68. Труды IV Хабаровского съезда, созванного приамурским генерал-губернатором Д.И. Суботичем. 1903 г. / под ред. Н.В. Слюнина. Хабаровск: Тип. Канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1903. Разд. паг.
69. Унтербергер П.Ф. Приамурский край. 1906—1911 гг.: очерк. СПб.: Тип. В.Ф. Киришбаума, 1912. 497 с. (Записки императорского Русского географического общества по отделению статистики. Т. 13).
70. Унтербергер П.Ф. Приморская область. 1856—1898 гг. СПб.: Тип. В.Ф. Киришбаума, 1900. 324 с. (Записки императорского Русского географического общества по отделению статистики. Т. 8. Вып. 2).
71. Ухтубужский П. Русский народ в Азии. 1) Переселение в Сибирь. 2) Жёлтая опасность. Издание Русского народного союза Михаила Архангела. СПб., 1913. 99 с.
72. Уэллс Г. Война миров // Собрание сочинений: в 15 т. М.: Правда, 1964. Т. 2. С. 5—160.
73. Филиппова Т.А. «Враг с Востока». Образы и риторика вражды в русской сатирической журналистике начала XX века. М.: АИРО-XXI, 2012. 384 с.
74. Хамфри К. Одесса: погромы в городе-космополите // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 213—247.
75. Хисамутдинов А.А. Владимир Клавдиевич Арсеньев. 1872—1930. М.: Наука, 2005. 233 с.
76. Холл К. «Расовые признаки коренятся глубже в природе человеческого организма»: неуловимое понятие расы в Российской империи // «Понятие о России»: к исторической семантике имперского периода. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. II. С. 195—258.
77. Шерман С. Жёлтый мальчик в жёлтой реке. URL: <http://gagin.ru/internet/15/29.html> (дата обращения: 31.01.2005).
78. Шимацу Наоко. «Возлюби врага своего» // Родина. 2005. № 10. С. 69—71.
79. Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток. (Три года в Уссурийском крае). СПб.: А.Ф. Девриен, 1897. 469 с.
80. Ben-Dasan I. The Japanese and the Jews. N.Y.: Weatherhill, 1982. 193 p.
81. Blue G. Gobineau on China: Race Theory, the “Yellow Peril”, and the Critique of Modernity // Journal of World History. 1999. Vol. 10. No. 1. P. 93—139.
82. Frankel J. The Damascus Affair. “Ritual Murder” and the Jews in 1840. Cambridge: Cambridge Univ. press, 1996. 512 p.
83. Glebov S. Between Foreigners and Subjects: Imperial Subjecthood, Governance, and the Chinese in the Russian Far East, 1860s—1880s // Ab Imperio. 2017. No. 1. P. 86—130.

84. Landau J.M. Ritual Murder Accusations in Nineteenth-Century Egypt // J.M. Landau. Middle Eastern Themes. Papers in History and Politics. London: F. Cass, 1973. P. 99—142.
85. MacMaster N. “Black Jew” — “White Negro”. Anti-Semitism and the Construction of Cross Racial Stereotypes // Nationalism and Ethnic Politics. 2000. Vol. 6. No. 4. Winter. P. 65—82.
86. Pollak M. Mandarins, Jews and Missionaries: the Jewish Experience in the Chinese Empire. Philadelphia: The Jewish Publication Society of America, 1980. 436 p.
87. Urbansky Sören. A Chinese Plague: Sinophobic Discourses in Vladivostok, San Francisco, and Singapore // Bulletin of the German Historical Institute. No. 64 (spring 2019). P. 75—92.
88. Western Visions: Fu Manchu and the Yellow Peril // The Illuminated Lantern. Revealing the Heart of Asian Cinema. 2000. Vol. 1. Oct.—Nov. Iss. 5. URL: <http://www.illuminatedlantern.com/fumanchu/index.html> (дата обращения: 19.08.2002).
89. Yellow Perils. China Narratives in the Contemporary World / ed. by Franck Billé, Sören Urbansky. Honolulu: University of Hawaii Press, 2018. 272 p.
90. Zhou Xun. Chinese Perceptions of the “Jews” and Judaism: A History of the Youtai. London; New York: Routledge, 2000. 202 p.

REFERENCES

1. Arendt Kh. *Istoki totalitarizma* [The Origins of Totalitarianism]. Moscow, TsentrKom Publ., 1996, 672 p. (In Russ.)
2. Arsen'ev V.K. *Kitaytsy v Ussuriyskom krae: ocherk istoricheskoy-etnograficheskoy* [The Chinese in the Ussuri Region: An Essay of the Historical-ethnographic]. Khabarovsk, Tip. Kantselyarii Priamur. gen.-gubernatora Publ., 1914, 204 p. (Zapiski Priamurskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. T. 10. Vyp. 1 [Notes of the Amur Branch of the Imperial Russian Geographical Society. Vol. 10, iss. 1]. (In Russ.)
3. Benzhamin T. “Zheltyy vopros” i evreyskiy vopros na rossiyskom Dal'nem Vostoke: 1858—1914 [“The Yellow Question” and the Jewish Question in the Russian Far East: 1858—1914]. *Judaic-Slavic Journal*, 2021, no. 1 (5), pp. 68—100. (In Russ.)
4. Bogoslovskiy L. Krepost'-gorod Vladivostok i kitaytsy [Fortress-city Vladivostok and the Chinese]. *Vestnik Azii*, 1913, no. 13, pp. 20—33. (In Russ.)
5. Vereshchagin A.V. Po Manchzhurii. 1900—1901 gg. Vospominaniya i rasskazy [On Manchuria. 1900—1901. Memories and Stories]. *Vestnik Evropy*, 1902, no. 1, pp. 116—118. (In Russ.)
6. Vil'gel'm II. *Memuary. Sobytiya i lyudi. 1878—1918* [Memoirs. Events and People. 1878—1918]. Translated by D. Trius. Moscow, Petrograd, Izd-vo L.D. Frenkel' Publ., 1923, 178 p. (In Russ.)
7. *Vsepoddanneyshiy otchet Priamurskogo general-gubernatora general-leytenanta Dukhovskogo, 1893, 1894 i 1895 gody* [The Most Comprehensive Report of the Amur Governor-General, Lieutenant-General Dukhovskiy, 1893, 1894 and 1895]. Saint Petersburg, Tip. Yu.N. Erikh Publ., 1895, 172 p. (In Russ.)
8. Grave V.V. *Kitaytsy, koreytsy i yaponsy v Priamur'e. Otchet Upolnomochennogo Ministerstva Inostrannykh Del V.V. Grave* [Chinese, Koreans and Japanese in the Amur Region. Report of the Authorized Representative of the Ministry of Foreign Affairs V.V. Grave]. Saint Petersburg, Tip. V.F. Kirshbauma Publ., 1912, 489 p. (Trudy komandirovannoy po Vysochayshemu povelenyu Amurskoy ekspeditsii. Vyp. XI [Proceedings of the Amur Expedition Sent by the Highest Command. Iss. XI]. (In Russ.)

9. Gudkov L. Ideologema “vrage”: “vrage” kak massovyy sindrom i mekhanizm sotsial’noy integratsii [Ideologeme of the “Enemy”: “Enemies” as a Mass Syndrome and a Mechanism of Social Integration]. *Obraz vrage* [The Image of the Enemy]. Moscow, OGI Publ., 2005, pp. 7–79. (In Russ.)
10. Dvizhenie kitaytsev v Rossiyu prinimaet ugrozhayushchie razmery [The Movement of the Chinese to Russia is Taking on Threatening Dimensions]. *Istochnik*, 1997, no. 1, p. 70. (In Russ.)
11. Dyatlov V., Guzey Ya., Sorokina T. *Kitayskiy pogrom. Blagoveshchenskaya “Utopiya” 1900 goda v otsenke sovremennikov i potomkov* [Chinese Pogrom. Blagoveshchenskaya “Utopia” of 1900 in the Assessment of Contemporaries and Descendants]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2020, 208 p. (In Russ.)
12. Ivasita Akikhiro. *4000 kilometrov problem: rossiysko-kitayskaya granitsa* [4000 Kilometers of Problems: the Russian-Chinese Border]. Translated from Jap. by M.G. Gorfunkel’. Moscow, AST Publ., Vostok-Zapad Publ., 2006, 333 p. (In Russ.)
13. Kitay i kitaytsy [China and the Chinese]. *Moskvityanin*, 1852, no. 24, otd. 7, p. 163. (In Russ.)
14. Klements D. Beglye zametki o zheltom opasnosti [Cursory Notes on the Yellow Danger]. *Russkoe bogatstvo*, 1905, no. 7, pp. 36–56. (In Russ.)
15. Kovalevskiy M. Porto-franko vo Vladivostoke [Porto-franco in Vladivostok]. *Vestnik Evropy*, 1909, vol. 255, pp. 423–437. (In Russ.)
16. Komov A. O kitaytsakh i koreytsakh v Priamurskom krae [About the Chinese and Koreans in the Amur Region]. *Sibirskie voprosy*, 1909, no. 27, pp. 18–27. (In Russ.)
17. Krivorotov V. “Zheltaya opasnost’”, Amal’rik, Kissindzher i Rossiya [“Yellow Danger”, Amalric, Kissinger and Russia]. V. Krivorotov. *Nekotorye mysli k russkoy vrozhdencheskoy idee. Stat’i i pis’ma* [Some Thoughts on the Russian Renaissance Idea. Articles and letters]. Madrid, 1975, pp. 83–95. (In Russ.)
18. Kuropatkin A.N. *Rossiya dlya russkikh. Zadachi russkoy armii. T. III. Zadachi Rossii i russkoy armii v XX stoletii* [Russia for Russians. Tasks of the Russian Army. Vol. III. Tasks of Russia and the Russian Army in the 20th Century]. Saint Petersburg, Tip. “V. Bezobrazov i Ko” Publ., 1910, 440 p. (In Russ.)
19. L-n. Kapitulyatsiya russkogo truda i kapitala v Priamur’e (k zheltomu voprosu) [Capitulation of Russian Labor and Capital in the Amur Region (to the Yellow Question)]. *Sibirskiy sbornik za 1904 god*. (Pril. k gazete “Vostochnoe obozrenie”) [Siberian Collection for 1904. (Adj. to the Newspaper “Eastern Outlook”). Irkutsk, 1904, pp. 77–108. (In Russ.)
20. L.G. Zheltyy trud na Dal’nem Vostoke po dannym 1914 goda [Yellow Labor in the Far East According to the Data of 1914]. *Voprosy kolonizatsii*, 1916, no. 19, pp. 140–171. (In Russ.)
21. Larin A.G. *Kitayskie migranty v Rossii. Istoriya i sovremennost’* [Chinese Migrants in Russia. History and Modernity]. Moscow, Vostochnaya kniga Publ., 2009, 512 p. (In Russ.)
22. Levitov I. Zheltaya opasnost’. Zheltaya Rossiya. Doklad I. Levitova [Yellow Danger. Yellow Russia. I. Levitov’s Report]. *Russkiy vestnik*, 1901, July, pp. 199–202. (In Russ.)
23. Levitov I.S. *Zheltaya rasa* [The Yellow Race]. Saint Petersburg, Tip. inzh. G.A. Bernshteyna Publ., 1900, 49 p. (In Russ.)
24. Levitov I.S. *Zheltorossiya, kak bufernaya koloniya* [Zheltorossia, as a Buffer Colony]. Saint Petersburg, Tip. inzh. G.A. Bernshteyna Publ., 1905, 120 p. (In Russ.)
25. Lukin A.V. *Medved’ nablyudaet za drakonom. Obraz Kitaya v Rossii v XVII—XXI vekakh* [The Bear is Watching the Dragon. The Image of China in Russia in the 17th—21st Centuries]. Moscow, AST Publ., Vostok-Zapad Publ., 2007, 598 p. (In Russ.)

26. Malinova O.Yu. Obshchestvo, publika, obshchestvennost' v Rossii serediny XIX — nachala XX veka: otrazhenie v ponyatiyakh praktik publichnoy kommunikatsii i obshchestvennoy samodeyatelnosti [Society, the Public, the Public in Russia in the Middle of the 19th — Early 20th Century: Reflection in the Concepts of Practices of Public Communication and Public Initiative]. *"Ponyatiya o Rossii": k istoricheskoy semantike imperiskogo perioda* ["Concepts of Russia": On the Historical Semantics of the Imperial Period]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012, vol. 1, pp. 428—463. (In Russ.)
27. Marks K. K evreyskomu voprosu [On the Jewish Question]. K. Marks, F. Engel's. *Sochineniya* [Essays]. 2nd ed. Moscow, Gos. izd-vo polit. iiteratury Publ., 1955, vol. 1, pp. 382—412. (In Russ.)
28. Matveev N. Kitaytsy na Kariyskikh promyslakh [The Chinese on the Carian Crafts]. *Russkoe bogatstvo*, 1911, no. 12, pp. 28—43. (In Russ.)
29. Matsokin P.G. Neskol'ko slov k stat'e L. Bogoslovskogo "Krepost'-gorod Vladivostok i kitaytsy" [A Few Words to the Article by L. Bogoslovsky "The Fortress-city of Vladivostok and the Chinese"]. *Vestnik Azii*, 1913, no. 15, pp. 18—19. (In Russ.)
30. Matsokin P.G. Otsenka dannyykh proizvodstv v yaponskikh, kitayskikh i evropeyskikh remeslenno-promyshlennykh zavedeniyakh za 1910—1911 gg. [Evaluation of These Productions in Japanese, Chinese and European Craft and Industrial Establishments for 1910—1911]. *Vestnik Azii*, 1911, no. 10, pp. 1—20. (In Russ.)
31. *Mezhduvedomstvennoe soveshchanie po delam Dal'nego Vostoka. Spravka po voprosu o merakh bor'by s kitayskoy trgovley v Priamur'e* [Interdepartmental Meeting on the Affairs of the Far East. Help is on the Question of Measures to Combat the Chinese Trade in the Amur Region]. [S.l.]. [S.A.]. 8 p. (In Russ.)
32. Mengden O.F. *Zheltaya opasnost' ili emigratsiya kitaytsev i vliyanie, okazyvaemoe eyu na beluyu i zheltuyu rasu* [Yellow Danger or Emigration, the Chinese and the Impact of it on White and Yellow Race]. Translated from Germ. Saint Petersburg, Izd-vo V. Berezovskogo Publ., 1906, 68 p. (In Russ.)
33. Men'shikov M.O. *Pis'ma k russkoy natsii* [Letters to the Russian Nation]. Moscow, Izd-vo zhurnala "Moskva" Publ., 2000, 555 p. (In Russ.)
34. Merkulov S.D. *Voprosy kolonizatsii Priamurskogo kraya. Vyp. II. (Stat'i, pis'ma, zametki)* [Issues of Colonization of the Amur Region. Iss. II. (Articles, Letters, Notes)]. Saint Petersburg, 1911, 107 p. (In Russ.)
35. Merkulov S.D. *Voprosy kolonizatsii Priamurskogo kraya. Zheltyy trud i mery bor'by s naplyvom zheltoy rasy v Priamur'e* [Issues of Colonization of the Amur Region. Yellow Labor and Measures to Combat the Influx of the Yellow Race in the Amur Region]. Vladivostok, Tip. V.K. Ioganson Publ., 1911, 51 p. (In Russ.)
36. Merkulov S.D. *Russkoe delo na Dal'nem Vostoke: dokl. S.D. Merkulova... vel. kn. Aleksandru Mihaylovichu (i preniya)* [The Russian Case in the Far East: Dokl. S.D. Merkulova... by the Grand Duke Alexander Mikhailovich (and Debate)]. Saint Petersburg, Tip. Yu.A. Mansfel'd Publ., 1912, 70 p. (In Russ.)
37. Meshcheryakov A.N. *Stat' yapontsem* [Becoming a Japanese]. Moscow, Eksmo Publ., 2012, 431 p. (In Russ.)
38. Mogil'ner M. *Homo imperii: istoriya fizicheskoy antropologii v Rossii (konets XIX — nachalo XX v.)* [Homo Imperii: the History of Physical Anthropology in Russia (Late 19th — Early 20th Century)]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008, 255 p. (In Russ.)
39. Nadarov I.P. *Vtoroy Khabarovskiy s'ezd (gubernatorov i drugikh predstaviteley) 1886 goda* [The Second Khabarovsk Congress (of Governors and Other Representatives) of 1886]. Vladivostok, Tip. Shtaba portov Vostochnogo okeana Publ., 1886, 79 p. (In Russ.)
40. Nadarov I.P. *Severno-Ussuriyskiy kray* [The North-Ussuri Region]. Saint Petersburg, Voен. tip. Publ., 1887, 169 p. (In Russ.)

41. Nadarov I.P. Khunkhuzy v Yuzhno-Ussuriyskom krae (ocherk) [Hunkhuzi in the South Ussuri Region (Essay)]. *Voennyi sbornik*, 1896, no. 9, pp. 183—204. (In Russ.)
42. Nansen F. *V stranu v budushchego. Velikiy Severnyy put' iz Evropy v Sibir' cherez Kar-skoe more* [To the Country of the Future. The Great Northern Route from Europe to Siberia via the Kara Sea]. Petrograd, Izd-e K.I. Ksido Publ., 1915, 454 p. (In Russ.)
43. Panov A.A. Bor'ba za rabochiy rynek v Priamur'e [The Struggle for the Labor Market in the Amur Region]. *Voprosy kolonizatsii*, 1912, no. 11, pp. 241—282. (In Russ.)
44. Panov A.A. *Gryadushchee mongol'skoe igo. Otkrytoe pis'mo Narodnym Predstavite-lyam* [The Coming Mongol Yoke. An Open Letter to the People's Representatives]. Saint Petersburg, Elektro-tip. N.Ya. Stoykovoy Publ., 1906, 48 p. (In Russ.)
45. Panov A.A. Zheltyy vopros v Priamur'e [The Yellow Question in the Amur Region]. *Voprosy kolonizatsii*, 1910, no. 7, pp. 53—116. (In Russ.)
46. Panov A.A. Zheltyy vopros i mery bor'by s "zheltyim zasil'em" v Priamur'e [The Yellow Question and Measures to Combat the "Yellow Dominance" in the Amur Region]. *Voprosy kolonizatsii*, 1912, no. 11, pp. 171—184. (In Russ.)
47. Panov A.A. Zheltyy trud na Dal'nem Vostoke po dannym 1914 goda [Yellow Labor in the Far East According to the Data of 1914]. *Voprosy kolonizatsii*, 1916, no. 19, pp. 140—171. (In Russ.)
48. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. Obshchiiy svod po imperii rezul'tatov razrabotki dannykh Pervoy vseobshchey perepisi nase-leniya* [The First General Population Census of the Russian Empire in 1897. A General Summary of the Results of the Development of the First General Population Census Data on the Empire]. Ed. by N.A. Troynitsky. Saint Petersburg, 1905, 417 p. (In Russ.)
49. *Perepiska Vil'gel'ma II s Nikolaem II. 1894—1914* [Correspondence of Wilhelm II with Nicholas II. 1894—1914]. Petrograd, Moscow, Gosizdat Publ., 1923, 202 p. (In Russ.)
50. *Predvaritel'nye itogi byudzhetnogo obsledovaniya rabochikh i sluzhashchikh Dal'nego Vostoka v marte 1924 goda: s pril. — Byudzhet rabochego-kitaytsa v Primor'e* [Preliminary Results of the Budget Survey of Workers and Employees of the Far East in March 1924: With app. — The Budget of a Chinese Worker in Primorye]. Khabarovsk, 1924, 109 p. (In Russ.)
51. Przhevalsky N. *Puteshestvie po Ussuriyskomu krayu. 1867—1869* [Journey through the Ussuri Region. 1867—1869]. Saint Petersburg, 1870, 374 p. (In Russ.)
52. Remnev A.V. "Krest i mech". Vladimir Solov'ev i Vil'gel'm II v kontekste rossiyskogo imperskogo orientalizma ["Cross and Sword". Vladimir Solovyov and Wilhelm II in the Context of Russian Imperial Orientalism]. *Evropa. Mezhdunarodnyy al'manakh*. Tyumen', 2004, iss. IV, pp. 56—78 (In Russ.)
53. Romer Saks. Available at: <https://oldmaglib.com/authors/461> (accessed 21.03.2022). (In Russ.)
54. Rossman V. Prizraki XX veka: "zheltaya opasnost'" i evreyskiy zagovor v evropeyskikh scenariyakh zakata Evropy [Ghosts of the 20th Century: "Yellow Danger" and the Jewish Conspiracy in European Scenarios of the Decline of Europe]. *Paralleli: russko-evreyskiy istoriko-literarnyy i bibliograficheskiy al'manakh* [Parallels: Russian-Jewish Historical-literary and Bibliographic Almanac]. Moscow, Dom evreyskoy knigi Publ., 2003, no. 2—3. pp. 11—52. (In Russ.)
55. Rusakov R. *Dykhaniye drakonov (Rossiya, Kitay i evrei)* [The Breath of Dragons (Russia, China and the Jews)]. Moscow, Moskvityanin Publ., 1995, 160 p. (In Russ.)
56. Sartorius fon-Val'tersgauzen. Vopros o trude kitaytsev [The Question of Chinese Labor]. *Istoriya truda v svyazi s istoriey nekotorykh form promyshlennosti* [History of Labor in Connection with the History of Some Forms of Industry]. Saint Petersburg, 1897, pp. 250—270. (In Russ.)

57. Solov'ev V.S. Panmongolizm [Panmongolism]. *Rossiya mezhdru Evropoy i Aziey: Evraziyskiy soblazn* [Russia between Europe and Asia: The Eurasian Temptation]. Moscow, Nauka Publ., 1993, p. 233. (In Russ.)
58. Solov'ev V.S. Tri razgovora o voyne, progresse i kontse vseмирnoy istorii [Three Conversations about War, Progress and the End of World History]. *Sochineniya: v 2 t.* [Essays. In 2 vol.]. Moscow, Mysl' Publ., 1990, vol. 2, pp. 635—762. (In Russ.)
59. Stolpovskaya A. *Ocherk istorii kul'tury kitayskogo naroda* [An Essay on the History of Culture of the Chinese People]. Saint Petersburg, Izd-e K.T. Soldatenkova Publ., 1891, 477 p. (In Russ.)
60. *S'ezd gubernatorov i drugikh predstaviteley v g. Khabarovke* [Congress of Governors and other Representatives in Khabarovsk]. [S.l.], 1885, 34 p. (In Russ.)
61. Tavokin S.N. *K voprosu o "zheltoy opasnosti"* [On the Question of the "Yellow Danger"]. Kiev, Vostochnaya biblioteka Publ., 1913, 32 p. (In Russ.)
62. Tarasova A.I. *Vladimir Klavdievich Arsen'ev* [Vladimir Klavdievich Arsenyev]. 2nd ed., revised and amended. Vladivostok, Izdat. dom Dal'nevostochnogo federal. un-ta Publ., 2012, 412 p. (In Russ.)
63. Timofeev P. *Porto-franko na Dal'nem Vostoke i ruskiy kosmopolitizm* [Porto-Franco in the Far East and Russian Cosmopolitanism]. Moscow, 1908, 39 p. (In Russ.)
64. Tissen A. *Kitay i evrei* [China and the Jews]. *Nash put'*. Shanghai, 1941, no. 11, June 29. (In Russ.)
65. Tol'ts V. *Diskursy o rase: imperskaya Rossiya i Zapad v sravnenii* [Discourses about Race: Imperial Russia and the West in Comparison]. *"Ponyatie o Rossii": k istoricheskoy semantike imperskogo perioda* ["The Concept of Russia" to the Historical Semantics of the Imperial Period]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012, vol. II, pp. 145—193. (In Russ.)
66. Toporov V.N. O "evraziyskoy" perspektive romana Andreyа Belogo "Peterburg" i ego fonosfere [About the "Eurasian" Perspective of Andrei Bely's Novel "Petersburg" and its Phonosphere]. *Evraziyskoe prostranstvo: zvuk i slovo* [The Eurasian Space: Sound and Word]. Moscow, Kompozitor Publ., 2000, pp. 83—124. (In Russ.)
67. *Trudy III Khabarovskogo s'ezda* [Proceedings of the III Khabarovsk Congress]. Processed on Behalf of the Former Amur Governor-General, Adjutant-general, Baron Andrey Nikolaevich Korf agr. N.A. Kryukov. Khabarovka, Tip. M.A. Tyrtova Publ., 1893, 170 p. (In Russ.)
68. *Trudy IV Khabarovskogo s'ezda, sozvanogo priamurskim general-gubernatorom D.I. Subotichem. 1903 g.* [Proceedings of the IV Khabarovsk Congress, Convened by the Amur Governor-General D.I. Subotich. 1903]. Ed. by N.V. Slyunin. Khabarovsk, Tip. Kantselyarii Priamurskogo general-gubernatora Publ., 1903. Separate pagination. (In Russ.)
69. Unterberger P.F. *Priamurskiy kray. 1906—1911 gg.: ocherk* [Priamursky Krai. 1906—1911: Essay]. Saint Petersburg, Tip. V.F. Kirshbauma Publ., 1912, 497 p. (Zapiski imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu statistiki. T. 13 [Notes of the Imperial Russian Geographical Society on the Department of Statistics. Vol. 13]). (In Russ.)
70. Unterberger P.F. *Primorskaya oblast'. 1856—1898 gg.* [Primorskaya Oblast. 1856—1898]. Saint Petersburg, Tip. V.F. Kirshbauma Publ., 1900, 324 p. (Zapiski imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu statistiki. T. 8. Vyp. 2 [Notes of the Imperial Russian Geographical Society on the Department of Statistics. Vol. 8, iss. 2]). (In Russ.)
71. Ukhtubuzhskiy P. *Russkiy narod v Azii. 1) Pereselenie v Sibir'. 2) Zheltaya opasnost'. Izdanie Russkogo narodnogo soyuza Mikhaila Arkhangela* [The Russian People in Asia. 1) Resettlement to Siberia. 2) Yellow Danger. Publication of the Russian People's Union of Mikhail the Archangel]. Saint Petersburg, 1913, 99 p. (In Russ.)

72. Uells G. Voyna mirov [The War of the Worlds]. *Sobranie sochineniy: v 15 t.* [Collected Works. In 15 vol.]. Moscow, Pravda Publ., 1964, vol. 2, pp. 5–160. (In Russ.)
73. Filippova T.A. “Vrag s Vostoka”. *Obrazy i ritorika vrazhdy v russkoy satiricheskoy zhurnalistike nachala XX veka* [“The Enemy from the East”. Images and Rhetoric of Enmity in Russian Satirical Journalism of the Early 20th Century]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2012, 384 p. (In Russ.)
74. Khamfri K. Odessa: pogromy v gorode-kosmopolite [Odessa: Pogroms in the Cosmopolitan City]. *Antropologicheskij forum*, 2010, no. 12, pp. 213–247. (In Russ.)
75. Khisamutdinov A.A. *Vladimir Klavdievich Arsen'ev. 1872–1930* [Vladimir Klavdievich Arsenyev. 1872–1930]. Moscow, Nauka Publ., 2005, 233 p. (In Russ.)
76. Khol K. “Rasovye priznaki korenyatsya glubzhe v prirode chelovecheskogo organizma”: neulovimoe ponyatie rasy v Rossiyskoy imperii [“Racial Characteristics are Rooted Deeper in the Nature of the Human Body”: the Elusive Concept of Race in the Russian Empire]. “*Ponyatie o Rossii*”: *k istoricheskoy semantike imperskogo perioda* [“The Concept of Russia” to the Historical Semantics of the Imperial Period]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012, vol. II, pp. 195–258. (In Russ.)
77. Sherman S. *Zheltyy mal'chik v zheltoy reke* [Yellow Boy in the Yellow River]. Available at: <http://gagin.ru/internet/15/29.html> (accessed 31.01.2005). (In Russ.)
78. Shimatsu Naoko. “Vozlyubi vraga svoego” [“Love Your Enemy”]. *Rodina*, 2005, no. 10, pp. 69–71. (In Russ.)
79. Shreyder D.I. *Nash Dal'niy Vostok. (Tri goda v Ussuriyskom krae)* [Our Far East. (Three Years in the Ussuri Region)]. Saint Petersburg, A.F. Devrien Publ., 1897, 469 p. (In Russ.)
80. Ben-Dasan I. *The Japanese and the Jews*. N.Y., Weatherhill Publ., 1982, 193 p. (In Eng.)
81. Blue G. Gobineau on China: Race Theory, the “Yellow Peril”, and the Critique of Modernity. *Journal of World History*, 1999, vol. 10, no. 1, pp. 93–139. (In Eng.)
82. Frankel J. *The Damascus Affair. “Ritual Murder” and the Jews in 1840*. Cambridge, Cambridge Univ. press Publ., 1996, 512 p. (In Eng.)
83. Glebov S. Between Foreigners and Subjects: Imperial Subjecthood, Governance, and the Chinese in the Russian Far East, 1860s–1880s. *Ab Imperio*, 2017, no. 1, pp. 86–130. (In Eng.)
84. Landau J.M. Ritual Murder Accusations in Nineteenth-Century Egypt. J.M. Landau. *Middle Eastern Themes. Papers in History and Politics*. London, F. Cass Publ., 1973, pp. 99–142. (In Eng.)
85. MacMaster N. “Black Jew” — “White Negro”. Anti-Semitism and the Construction of Cross Racial Stereotypes. *Nationalism and Ethnic Politics*, 2000, vol. 6, no. 4, Winter, pp. 65–82. (In Eng.)
86. Pollak M. *Mandarins, Jews and Missionaries: the Jewish Experience in the Chinese Empire*. Philadelphia, The Jewish Publication Society of America Publ., 1980, 436 p. (In Eng.)
87. Urbansky Sören. A Chinese Plague: Sinophobic Discourses in Vladivostok, San Francisco, and Singapore. *Bulletin of the German Historical Institute*, no. 64 (spring 2019), pp. 75–92. (In Eng.)
88. Western Visions: Fu Manchu and the Yellow Peril. *The Illuminated Lantern. Revealing the Heart of Asian Cinema*, 2000, vol. 1, Oct.—Nov., iss. 5. Available at: <http://www.illuminatedlantern.com/fumanchu/index.html> (accessed 19.08.2002). (In Eng.)
89. *Yellow Perils. China Narratives in the Contemporary World*. Ed. by Franck Billé, Sören Urbansky. Honolulu, University of Hawaii Press Publ., 2018, 272 p. (In Eng.)
90. Zhou Xun. *Chinese Perceptions of the “Jews” and Judaism: A History of the Youtai*. London, New York, Routledge Publ., 2000, 202 p. (In Eng.)

Дата поступления в редакцию 04.02.2022